

Александр
Юрченко

ФЕДОР КУРИЦЫН.
ПОВЕСТЬ О ДРАКУЛЕ

СПЕЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Александр Юрченко

**Фёдор Курицын.
Повесть о Дракуле**

«Автор»

2010

Юрченко А. А.

Фёдор Курицын. Повесть о Дракуле / А. А. Юрченко — «Автор», 2010

В центре романа три героя – великий князь Иван III, его жена Софья и государев дьяк Фёдор Курицын. Иван III ведет политику усиления государственной власти, собирает в единое государство русские земли, волею судьбы оказавшиеся в составе Литвы. Софья, дочь Морейского деспота Фомы, властителя Пелопоннеса, племянница последнего византийского императора Константина, после захвата турками Константинополя бежит в Рим, где воспитывается при дворе папы Римского. Выйдя замуж за Ивана III, она оказывает большое влияние на великого князя. По её настоянию он приглашает итальянских архитекторов и перестраивает Кремль, принимает византийскую государственную символику, большое внимание уделяет придворному этикету. Фёдор Курицын, один из главных помощников князя по иностранным делам, вернувшись с посольством из Венгрии, оказывается в центре политических событий Московского княжества. Сторонник «сильной руки», он всецело поддерживает политику Великого князя по укреплению централизации государственной власти и ослаблению позиций боярства и духовенства. Для того, чтобы оправдать действия Ивана III, не всегда отвечающие нормам христианской морали, Курицын начинает писать повесть о Дракуле, где приводит примеры как жестокости, так и мудрости валашского господаря Влада Цепеша. Фёдор Курицын возглавляет кружок московских еретиков, стремящихся реформировать церковную жизнь, увлекается философией и астрологией, пишет трактат «Лаодикийское послание», в котором, опередив европейских гуманистов, отстаивает право человека на свободу воли. При дворе Ивана III существует несколько групп влияния. Часть бояр противится войне с Литвой, что тормозит возвращение русских земель. Иван III одних казнит, других ссылает в монастыри. Царевна Софья и Елена Волошанка, жена сына Ивана III от первого брака, ведут борьбу, чтобы сделать своих сыновей, Василия и Дмитрия наследниками Ивана III. Великий князь раскрывает заговор Софьи. Побеждает Елена – её сын Дмитрий становится соправителем великого князя, но энергичной и

мудрой Софье удаётся переломить ситуацию. Великий князь делает Василия соправителем, а Дмитрия и его мать отдаёт под арест. Чтобы полностью укрепить свои позиции, Софья добивается ослабления влияния Курицына. Фёдор Курицын таинственно исчезает. В отсутствие Курицына на церковном соборе принимается решение сжечь еретиков на костре. Находящийся при смерти Иван III не может повлиять на ситуацию: в костре русской инквизиции погибает брат Курицына Иван Волк. Единоличным правителем Московского государства остаётся сын Ивана III Василий.

© Юрченко А. А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Дело первое. Фон Поппель. Не то посол, не то лазутчик	6
Рассказ Фёдора Курицына о приключении Иоанна Батиста	13
Тревизана, посла венецианского дожа Николо Троно, в Московии	
Дело второе. Свобода воли. Отдать жизнь за Великого князя	19
Сказание о Дракуле	26
Дело третье. Заморские гости. С кем дружить?	30
Дело четвёртое. Еретики новгородские и московские	40
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Юрченко
Фёдор Курицын. Повесть о Дракуле
Исторические хроники
конца пятнадцатого века

*С благодарностью за долготерпение и веру моей жене Людмиле
посвящается*

Дело первое. Фон Поппель. Не то посол, не то лазутчик

– Скажи, Мартынка, а сам ты с Дракулой вёл беседы? – Фёдор Курицын слегка поёжился – не то от холода, хоромы были не топлены, не то от упоминания имени валашского господаря, один перечень деяний которого леденит кровь. Думный дьяк недавно вернулся из посольства в Королевстве Венгерском, где только и говорили о Дракуле – так что воспоминания были свежи.

– Не довелось, – Мартин тряхнул головой, коротко стриженной на латинский манер. – Потому и сижу сейчас в светлице государева дьяка в стольном граде московском, а не в Трансильвании на колу у Дракулы.

Весна в Москве, как и зима – красна короткими днями. Тратить витые разноцветные свечи – подарок венгерского короля Матфея Корвина – не хотелось: сгодятся для ночных утех за пером и бумагой. Дьяк зажёл лучину.

– А правда, что Дракула убил пристава городской стражи и не понёс кары за злодеяние своё?

Мартин на вопрос хозяина только повёл соболиными бровями, делавшими похожим на девичье его голое безбородое лицо. За это сходство холопы курицынские прозвали выскочку латинского «марфушей». Однако у девок вид франтовато одетого Мартынки вызывал неподдельный интерес.

– Чай, не слышишь, поганец, что тебе говорят? – слуга не на шутку рассердил Курицына.

– Нешто, Фёдор Васильевич, служивые люди Матфея тебе о том не поведали?

Государев дьяк отрицательно покачал головой.

– Сказывают, дело так было, – рассказчик неожиданно перешёл на шёпот. Показалось, а, может, в самом деле, где-то рядом скрипнула половица. Оба прислушались. «Померещилось, значит». Мартин перекрестился и продолжил. – Прослышав о притеснениях, учинённых валашским господарем, Матфей посылает за душегубом войско и пленяет его. Отсидев добрую дюжину лет в темнице, Дракула выходит на свет белый.

– Таки простил ему прегрешения Матфей! – воскликнул Курицын, судя по тону, довольный таким поворотом событий.

– Нет, сидеть бы Дракуле всю жизнь в темнице сырой в Вышеграде на Дунае! – Мартин тонко угадывал перемены в настроении Курицына. – Так умер воевода, поставленный на престол Валахии после его заточения. Более достойного, чем Дракула, не нашлось – пришлось королю Матфею возвращать законного господаря на старое место.

– Ну, другое дело, – улыбнулся Курицын.

– Однако продолжу, мой господин. – Мартынка зевнул, прикрывая рот рукой. Разговоры о Дракуле ещё в Венгрии ему порядком надоели, но виду подавать нельзя, обидится государев дьяк. – По дороге домой бывший узник остановился в Буде, где пробыл несколько дней. Здесь и приключилась с ним эта оказия... Однажды во двор корчмы, где Дракула почивал, забежал

злодей, уклонявшийся от погони. Приставы схватили его. Тут выходит Дракула и мечом отсекает голову тому, кто держал злодея за руки, самого же беглеца – отпускает. Приводят Дракулу во дворец на светлые очи Матфея Корвина.

«Пошто так поступил? – король вопрошает. – Ещё и злодея отпустил».

«Всякий, кто разбойнически в мой дом проникает, так погибает», – таков был ответ смутяна.

«Нешто приставы разбойники?» – рассердился Матфей.

«А почём мне знать, кто они? Коли ты пришёл бы за злодеем, не отпускал бы – выдал тебе».

– Махнул король рукой и отпустил его с богом, – закончил рассказ Мартынка.

Курицын вздохнул... Во время рассказа слуги он сидел не шелохнувшись.

– Властью, данной Богом, волен король Матфей распорядиться по своему умыслу, – прервал он затянувшееся молчание. В поступке Дракулы Курицын уже не видел ничего необычного. За время путешествий по землям венгерским, валашским, трансильванским и турецким и не такое доводилось слышать. А вот Матфей Корвин удивил его. Мысленно он ставил на место короля венгерского Великого князя Ивана III: «Как бы Иоанн Васильевич рассудил оканзию такую?» – и не находил ответа. Страх от мысли самой, что государь московский мог поступить не по его, Курицына, убеждениям, холодом сковал тело.

– Зябко мне. Мартынка, печь затопи да иди почивать.

Мартынка был не просто слугой. Он являлся постоянным собеседником государева дьяка и по праву мог считаться соавтором «Повести о Дракуле», которую Курицын писал по ночам. Дело было секретное. Знал о нём только Мартынка – человек проверенный, которого Курицын взял в услужение в землях угорских да так и оставил при себе за чистый ум и ясную голову.

Днём, принимая послов, или просто проводя время на государевом дворе, Фёдор Васильевич наблюдал за Великим князем и женой его, греческой царевной Софьей и невольно сравнивал Великого князя с Дракулой. Вечером, в беседе с Мартынкой, и особенно ночью, наедине с чистым листом бумаги, сомнения одолевали его. А всегда ли прав достопочтимый государь московский, иногда в горячности своей превосходивший героя его писаний?

Догорела последняя лучина. Чертыхаясь, Курицын едва нащупал впотьмах турецкий сундук – подарок паши из Аккермана, достал свечу, зажгёт её и поставил в массивный серебряный подсвечник. Потом вынул перья, чернила, бумагу и сел за стол. Уже месяц как вернулся из земель угорских. Три года провёл при дворе венгерского короля и почти год в заточении в Аккермане – Белом городе – на Днестре у Чёрного моря, отобранном у молдавского володаря Стефана турецким военачальником Султан-Беем. И схватили ведь Курицына по-глупому, на переправе через Днестр в землях дружественных молдавских, в двух шагах от литовской Руси. Мала – мала московская земля, негде разгуляться на ней славному витязю.

А ведь господин Великий князь не послал за ним гонцов с выкупом. Если бы не прошение Матфея Корвина и заступничество крымского хана Менгли-Гирея, кормил бы он своими костями султанских стрепетов. А каков итог всего этого? Несколько слов о мире, дружбе и согласии в договоре Венгрии и Московии да вечная изжога от непривычно острых турецких кушаний. Правда, были ещё иные вопросы к Матфею. Великий князь просил доставить ему удалцов, умеющих лить пушки и стрелять из оных, мастеров серебряных дел для делания больших и малых сосудов, зодчих для строения церквей, палат и городов. Так и стоят в ушах Курицына последние слова Иоанна, которые надлежало передать венгерскому королю: «У нас есть серебро и золото, но мы не умеем чистить руды. Услужи нам, и тебе услужим всем, что находится в моём государстве».

Но всё же не зря оставил он надолго Москву и учёные беседы с попами Алексеем и Денисом о вере, небесных светилах, судьбу предсказующих, пользе научения и прочих премудростях. Неровен час, скорый на расправу государь Иван Васильевич крамолу во всём увидал

бы. Одно понял дьяк, пространствовал по городам угорским и трансильванским: и там у них головы учёных мужей теми же мыслями обременены.

Только под утро, когда светать стало, и от огромной свечи остался тощий огарок, продолжил Курицын повествование о Дракуле – валашском господаре Владе, прозванном своими подданными Цепешем, что переводилось с валашского «сажатель на кол», за любовь к этому не принятому в Московии виду истязаний.

Мартин застал хозяина спящим прямо за столом. И разбудить бы надо. Пора государеву дьяку к великокняжескому двору на службу собираться, но желание увидеть, что написал Курицын за ночь, было сильнее долга.

Мартин наклонился к столу. Голова и рука спящего закрывали почти весь лист. Всё же одну часть написанного удалось разобрать:

«Не менее справедлив Дракула был к неверным или, не приведи Господь, нерадивым жёнам мужей своих... Едет он как-то через поле и встречает крестьянина, рубаха на нём изодрана в клочья.

«Разве не сеял ты льна?» – спрашивает.

«Сеял», – отвечает перепуганный селянин и показывает поле окрест себя. Вот, мол, как много у меня льна.

«А есть ли у тебя жена?», – продолжает Дракула вкрадчивым голосом.

«Есть, господарь», – отвечает.

«И здорова ли?»

«Здорова, слава Богу».

«Так приведи её сюда, мил человек».

Приводит крестьянин жену. Дракула берётся её укорять в лености и нерадивости и для пущей убедительности велит отсечь ей руки и посадить на кол, а ничего не понимающему мужику говорит:

«Повезло тебе. Если бы льна у тебя было мало, занял бы ты её место – ленивым руки не нужны».

Так Дракула насаждал трудолюбие в своём крае».

Мартин попытался отодвинуть руку дьяка, чтобы прочитать дальше, и вдруг увидел, что Курицын смотрит на него широко открытыми глазами.

– Извини, Фёдор Васильевич, – запричитал он, путая слова славянские и угорские. – Не хотел, Бог видит, не хотел. Бес попутал.

– А я тебя и не виню. Сам зело любопытен, – Курицын резко поднялся на ноги. – Накажу за другое, – продолжал он строго. – За то, что не разбудил. Из жалованья вычту двадцать копеек. А пока спрячь всё и приготовь мой самый нарядный кафтан. Рыцарь германский, фон Поппель, чай, уж заждался меня, а, может, и замёрз вовсе – спать под открытым небом не больно здорово.

Рыцарь Германской священной империи Николай фон Поппель был зол на себя, а оттого на весь род людской. Предлагал же магистр ливонский Бернгард свою карету в услужение! Отказал гордый рыцарь. А ведь как увещевал старый лис. Только бы согласился Поппель съездить в Литву с поручением от него. Благополучие ливонцев всецело зависело от расположения духа могучих соседей: великих князей литовского и московского княжеств. Лучше всего Бернгарду было тогда, когда воевали они между собой. А сейчас как раз перерыв выдался. Тут же и пострадали купцы ливонские. Изрядно им бока намяли псковитяне: отняли и товары, и деньги. Даже шубы поснимали. Слава Христу и Святой Деве Марии, хватило совести у псковских волков натянуть на купцов простые кожухи телячьи да отпустить восвояси. Дальше – хуже. Повёл князь Василий Шуйский войско немалое на Дерпт. Большую резню учинил. Не дают покоя Великому князю Иоанну лавры славянских дикарей князя Святослава, много веков назад гра-

бивших Константинополь – превзошли московиты древних прародителей своих лютостью и кровожадностью.

Написал всё это Бернгард в письме к другу своему – Великому магистру ордена тевтонцев, да нет ответа. Теперь мыслил с помощью Поппеля склонить на свою сторону литовцев, а удастся, сравить меж собой Великих князей Казимира и Иоанна.

Да вот слаб оказался Поппель в географии. Считал, что за Литовским княжеством Татария начинается. Лишь от магистра узнал о существовании Московии. Потому и не хотел славный рыцарь ехать в Вильно ко двору Витовта – вдруг тот начнёт расспрашивать о московитах, а что он о них знает. Всё же кошелёк с золотыми сделал своё дело. Деньги для путешествующего рыцаря всегда подмога: и подпругу коням менять нужно, и слуг кормить. А в Литве не голова и язык Поппеля сгодятся – грамота императора Священной Римской империи германской нации, выданная самим Фридрихом Третьим. В ней просьба помочь славному рыцарю, путешествующему из любопытства и жажды знаний узнать обычаи и нравы государств, в которых тот будет странствовать.

Поппель не раз проезжал землями литовскими, знал непроходимость их дорог: чащи да болота, пни да кочки. Всё это поздней осенью сдобрено сизым туманом. Но то был путь из Польши, по которому рыцарь добирался аж до берегов Чёрного моря. Из ливонского Дерпта ехать в Вильно, хоть и не так далёк тот город, рыцарю ещё не приходилось. Вот и затерялся он с двумя слугами в чащах непроходимых. Хорошо ещё медведей в берлоге не потревожили. А вообще, кто знает, что лучше: медведями быть растерзанными или в плен к московитам попасть?

Обнаружили Поппеля холопы из сельца Печоры. Донесли наместнику в Псков. Ничего не понял наместник государев. И не литвин, и не ливонец, и не поляк, и не татарин. Так кто же он?

Выслал стрельцов. Те привезли иноземца на ясные очи.

Тут и грамота Фридрихова сгодилась. Не такие уж невежи московиты!

Через три дня послание наместника вместе с грамотой – гонцы чуть не загнали коней насмерть – вручили Иоанну Васильевичу. Вызвал государь Фёдора Курицына. Тот горазд читать немецкие штучки.

– Посол императора земли германской Фридриха, – доложил дьяк.

– Какой же посол императора со свитою в два человека? – подивился Иоанн Васильевич. – А дары где, ежели посол?

Позвали грека-проныру Юрия Траханиота, слугу царевны Софьи, а ныне – дьяка. Юрий, тот хитрей всех, потому и вышел из греков в дьяки.

Долго думал Юрий Траханиот. У государя желваки на щеках побелели.

– Собери, государь, Иоанн Васильевич, бояр на совет, – мудр Юрий Траханиот, зело мудр.

Три дня ждёт ответа немецкий рыцарь фон Поппель, не то посланник, не то странник, а может, и вражеский лазутчик. Непонятная птица, одним словом.

Поселили в лучшей избе, а для него – хуже хлева. На окнах вместо стёкол, бычий пузырь, печь не топят, кормят – лишь бы с голоду не сдох. Полмира объехал Поппель: и в Англии был, и в Испании, и в Португалии, и французские, и итальянские города успел посмотреть. Но такого с ним не случалось. Вспомнил. В Венеции после посещения дожа, обокрали.

Холодным потом облился. Залез под куртку. Нет, на месте кошелёк с золотыми дукатами. Он то и согревает. Вдруг крамольная мысль закралась в душу: «А если жизни лишат, на кой оно нужно, это золото? Будь оно проклято!»

Поппель кулаками в дверь стучит, кричит диким голосом. И на немецком, и на польском, и даже на французском. Никто не отзывается.

Наконец дозволили ехать. Три пристава из Москвы златоглавой, да на санях резных, в Печоры прикатали. Решила дума боярская привезти Поппеля в стольный град. А как приедет, допрос учинить. А как докажет, что посол немецкий, то и принять могут государь Иоанн

Васильевич. На случай, что и вправду посол, выслали провиант: трёх баранов, десяток перепелов, три хлеба да кадку мёда. Не приведи Господь, помрёт в дороге – путь до стольного града неблизкий. Встречать немца в Москве велено Курицыну.

Фёдор Васильевич предупреждён был, что немец до ворот Кремля не допущен, а посему в двух верстах от златоглавой ночует. Там ждёт большого человека от Великого князя Московского.

Взору Фёдора Васильевича, ранним морозным утром приехавшего за Москву-реку с добрым десятком молодцев, открылась такая картина.

Посреди дороги стояла телега, на ней скирда с сеном. Два пристава раскидывали пучки соломы, пока, наконец, не добрались до Поппеля. Немец был укрыт двумя медвежьими шкурами да конской попоной. Рядом с санями, по обе стороны от них, слуги жгли костры, якобы для господина своего. Но ясно, что огонь согревал только морозный воздух да промозглые кости подданных Фридриха Третьего. Наконец сам Николай Поппель показался из возка, запустил худющие руки, обсыпанные веснушками, в рыжие кудри свои, чертыхнулся несколько раз на немецком, почему-то помяная Дракулу, вскочил резво и стал отряхивать камзол, платье, сапоги – везде, как и в кудрях золотых, торчала солома.

Приставы, показывая на Курицына, дали понять, что он и есть тот большой человек, от которого зависела судьба рыцаря.

Государев дьяк, как того требовал дипломатический этикет, спешился и ждал, когда немец подойдёт ближе. Затем сделал несколько шагов вперёд. Поклонился... Но сделал так, что поклон немца состоялся на мгновение раньше. Нельзя умалить величие Великого князя Московского.

Потом Курицын произнёс на немецком небольшую речь. Рассказал о могуществе Московии и обо всех землях, покорённых Великим князем.

Затем оба вскочили на коней, теперь Курицын чуть раньше. Знал, допусти промах – любой из его окружения тут же в государеву тайную службу донесёт. Бросил дьяк острый взгляд на добрых молодцев. «Нет, всё хорошо идёт. Не зря при дворе короля угорского выездкой занимался».

Москва открылась Поппелю неожиданно, только выехали за околицу небольшой деревеньки. Насколько хватало глаз, вплоть до горизонта раскинулся большой город. Серебряной лентой его посредине разрезала река, за ней на холме возвышалась мощная белокаменная крепость с многочисленными башенками и бойницами. Из-за неё, будто игрушечные, выглядели золочёные маковки куполов многочисленных церквей. Сияние и блеск, производимый ими, слепили глаза так, что удивлённый рыцарь непроизвольно прикрыл лицо рукой в кожаной перчатке.

«Ганновер поменьше будет, да и Вене Москва мало в чём уступит», – подумал Поппель.

Однако, подъехав ближе, немец поубавил восторга. Все дома в городе были деревянными, за длинными заборами мелькали обширные подворья с садами и огородами. По обочине улиц были прорыты канавы, куда горожане сливали все домашние отходы. Так что щепетильный рыцарь вынужден был прикрывать нос перчаткой, которую не отнимал от лица, пока не подъехали к большому мосту через реку. Сразу подул свежим ветерком. Мысли в голове перестали суесться. Подумал: «Скороспелых выводов больше не будем делать. Поплывём по течению, куда вынесет».

Большая река, ещё не скованная ледяной кольчугой, несла на себе многочисленные лодки с рыбаками – они ловили рыбу сетями. Под мостом женщины стирали бельё. Всё дышало миром и покоем.

Вблизи крепость оказалась ещё мощнее. Стены с одной стороны от массивных ворот перестраивались, причём, по указанию государя выкладывались уже не белым, а красным камнем.

Не успел Поппель ступить на откидной мостик, как из ворот выехала кавалькада богато одетых всадников, в основном, в красных зипунах, отороченных собольими мехами, в высоких шапках, также отделанных мехом, с длинными окладистыми бородами. Курицын, за всё время пути не произнёсший ни единого слова, признал в одном из встречающих воеводу Семиона Ряполовского, недавно вернувшегося с литовского кордона. Семион был рода незнатного, но пользовался милостью государевой, так как был из тех Ряполовских, которые сорок лет назад спасли молодого Иоанна Васильевича и его братца Юрия от рук дядьев – Василия Косого и Дмитрия Шемяки, позарившихся на престол родителя Иоаннова – Великого князя Московского Василия. Отца, прозванного потом Василием Тёмным, ослепили, искали и детей его малых. Да, Ряполовские, увезя малолеток в Муром, вызвали заминку в стане нападавших, тем самым и жизнь венценосному папаше сохранили, и светлое будущее наследнику обеспечили.

Курицын прищепил коня и подъехал к воеводе. Разговор был коротким. Симеон, не отличавшийся родовитостью, не любил государева дьяка – выходца из бедного рода, считая его выскочкой. Более всего ему претила образованность Курицына, знавшего несколько языков. В то время большего уважения заслуживала ратная служба, а Ряполовский в ней преуспел, одержав несколько побед с литовцами и ливонцами.

– Сведи его к князю Ивану Юрьевичу, – бросил небрежно.

Курицын и бровью не повёл. Дипломатическая служба успокоительно действовала на нервы.

– Чай, болен князь-государь? – только и спросил.

Ряполовский скривился, но отвечать надо было.

– Здоров государь, но приказал Ивану Юрьевичу встречать.

Иван Юрьевич Патрикеев, наместник московский, в отличие от Ряполовского, рода знаменитого. От Рюриковичей, от славного князя Ольгерда шла его генеалогическая ветвь. Сам Иван Юрьевич двоюродным братом государю приходился. Мать его, Мария, – сестра Василия Тёмного, тётка Иоанна Васильевича. Терем Патрикеева только палатам государевым красотой уступал, и жёнка у него красавица, и дети ладные, сам только неказист старикашка востроносый, хитрющий, как лиса Патрикеевна. Вместе с государем Новгород Великий усмирил. В стоянии на Угре-реке, где последний царевич ордынский Ахмат дани московской дожидался, слава Богу, не отличился – остался в Москве наместничать, а то Ряполовского совсем зависть зелёная заела бы.

Как с немцем говорить, Патрикеев не знал, хоть и хитёр. Посему Курицына при себе оставил. «Мол, к грамоте не способен, языкам не обучен».

Разговор не складывался. Рыцарь от худого питания и морозного климата совсем сдал. Бормочет слова – еле рот разевает. А, может, гордость немецкая разыграла? Не почтил наместника вниманием. Смотрит в сторону, говорит мало и бессвязно, кашляет и через слово чертыхается по-немецки. Твердит одно: «Я посол императора Священной Римской империи германской нации».

Курицын и так, и сяк ответы его смягчает, а всё же Иван Юрьевич обиделся:

«Уж больно воду мутит немец. Меня на мякине не проведёшь».

У всех были свежи в памяти злоключения посла медиоланского Тревизана, пытавшегося обмануть государя. Хотя прошло с той поры без малого одиннадцать лет, всем был памятен гнев Иоанна Васильевича. Досталось не только виновному, но и каждому, кто под руку попался.

– Не разумею, – бросил Патрикеев дьяку, отпуская Поппеля прочь, – с поручением он к государю нашему пожаловал, или без оногo. Не знаю, что Иоанну Васильевичу и доложить! Пусть посидит пока. Может, измором возьмём?

Фон Поппель совсем зачах. Уже месяц он в Московии. А до государя этой незнакомой страны так и не добрался. Неужто так горд и велик Князь Московский? Понадеялся на Фридрихову грамоту, да не возымела она должной силы. Вот и сейчас, после беседы со знатным человеком правителя Московии, снова остался в четырёх стенах. Узник он или посланник? Сам не может разобрать. Ни питания должного, ни ночлега в тёплой постели. Бросили подстилку из плетёной лозы как псу бездомному... Хорошо ещё печку исправно топят. Фон Поппель пододвинул подстилку ближе к окну, возле которого чадила облезлая лампадка на медной подставке. Снова закашлялся... Выглянул. У дверей стража выставлена.

– Плохи дела, совсем плохи, – прошептал рыцарь немецкий и яростно сжал кулаки.

Дверь скрипнула и без стука отворилась. На пороге стоял государев дьяк Фёдор Курицын, а для немца – большой человек, встретивший его на границе. Наконец-то снизошёл большой человек для разговора, причём, один на один. Значит, большую силу имеет.

А караульщик-то не волен был пускать Курицына. Приставил пицаль к груди дьяка:

– Не велено пущать.

Хорошо, что знал его дьяк.

– Ты что, Матвей? Своих не узнаёшь? Дознание секретное буду делать.

– А бумага?

– Вот тебе вместо бумаги, – Курицын показал кулак.

Ох и прогневается Иван Юрьевич, когда дознается о ночном посещении. Нарушение этикета наиполнейшее. Ни писаря под рукой, ни свидетелей. А если государю донесёт? И сам Фёдор Васильевич убоился смелости своей.

Да что поделаешь, спасти немца надо. Совсем тот запутался. Как спрашивают, куда ехал, говорит, к Великому князю. А в грамоте не указано, безымянная она – ко всем государям мира обращена.

Курицын переступил порог. Фон Поппель резко оборотился. Пошатнулся. Тень его чёрным псом метнулась под ноги государеву дьяку.

«Худ, худ, совсем худ», – думал Курицын, глядя на рыцаря.

Костлявые коленки и локти вот-вот из одежды вылезут, жёлтые скулы, ввалившиеся щёки. Глаза, как у затравленного зверя, блестят из-под рыжих кустистых бровей. Чем-то напомнил он Курицыну францисканского монаха Губерта, встреченного на пыльных венгерских дорогах. Всю ночь тогда с францисканцем проговорили. Пытался тот дьяка в свою веру обратить. Сказывал, что и Дракула – каким был ревнителем православия! – римскую веру принял. В последний год жизни.

– Если поймёшь, что я тебе скажу, спасёшься, – сказал Курицын немцу. – А нет, пытки князя Дракулы покажутся тебе детской забавой. Читал книжицу о Дракуле, отпечатанную в немецких землях?

Фон Поппель не шелохнулся.

– Молчи, молчи, рыцарь, а я тебе ужасную историю про посла венецианского Тревизана поведаю. Что непонятно будет, перебивай мой рассказ, спрашивай.

Рассказ Фёдора Курицына о приключении Иоанна Батиста Тревизана, посла венецианского дожа Николо Троно, в Московии

– Когда турки взяли Царьград и лишили жизни законного императора Константина из рода Палеологов, Москва стала «Третьим Римом» называться, то есть центром истинной веры православной. Именно здесь надлежало быть Патриарху Константинопольскому и всем мужам учёным царьградским. Однако не спешили они к нам перебираться. Посему овдовевший князь-государь наш Иоанн Васильевич пожелали взять в жёны греческую принцессу Зою, дочь властителя Мореи Фомы, родного брата убиенного императора. Жили они под покровительством папы Римского в священном граде западной церкви – Риме. О печальной участи принцессы Зои нашему государю рассказал греческий гонец по имени Юрий. Дескать, сватались к ней два жениха – король Французский и герцог Медиоланский, но обоим отказала, так как не желала быть женой государя латинской веры.

Послал Иван Васильевич за невестой итальянца Жана Луку Вольпе, давно уже служившего при дворе Московского князя и взявшего новое имя Ивана Фрязина. Привёз Фрязин царевну. В тот же день обвенчали её с Иоанном и нарекли на наш лад Софьей.

Подумал тогда Иван Фрязин, что большую силу возымел на государя, и возгордился. А когда приехал посол дожа венецианского Жан Батиста Тревизан с просьбой к Иоанну пропустить посольство его в Золотую Орду и дать провожатого к хану Ахмату, стал Фрязин уговаривать Тревизана не отдавать государю ни письма, ему адресованные, ни даров богатых венецианских. «Я и так тебя в Орду доставлю, – обещал послу лукавый Фрязин, – и с собой дам всё необходимое».

– Но как? – вырвалось нечаянно у Поппеля. – Как он смог обмануть Вашего государя?

– А так, – продолжил Курицын. – Пришедши с послом к Иоанну, Фрязин назвал его своим племянником, купцом венецианским, направлявшимся к татарам по торговым делам. Поверил государь, обласкал Тревизана, посадил обедать за один стол с боярами знатными.

А с царевной Софьей прибыли в Москву легат папский Антоний и другие иноземцы, знавшие Тревизана и слышавшие о поездке, целью которой было склонить хана Ахмата к борьбе с турецким султаном, разграбившим Константинополь и покушавшимся на другие земли христианские. Сказали о том Великому князю – так обман и открылся.

Иоанн, будучи государем справедливым и взыскательным, повелел оковать Фрязина цепями, сослать в Коломну, дом разорить, жену и детей взять под стражу, а Тревизана казнить смертью.

Всполюшились посланники папские, прибывшие с царевной, взмолили пощадить Тревизана. Сказала своё слово и Софья. Государь был неумолим... но всё же, исполняя просьбу жены, отсрочил выполнение указа. Как никак, породнившись с родом императоров византийских, Иоанн большую выгоду для Московии сотворил. Многие греки, приехавшие в составе её свиты, сделались полезны государю во внешних сношениях с христианским миром, особенно в знании языков и искусствах, привезли с собой иконы и книги богоугодные, спасённые от турецкого варвара.

Послал Иоанн в Венецию с жалобой на Тревизана Антона Фрязина, брата провинившегося Ивана. Тот передал дожу гневные слова нашего государя: «Кто посылает посла через мою землю тайно, обманом, не испросив дозволения, тот нарушает уставы чести».

Растревожился дож о своём посланнике. Просил от себя лично и от сената Венецианской республики простить Тревизана, освободить из оков и послать во благо всех христианских государств в Золотую Орду просить хана Ахмата выступить против турок. Просил дож снаб-

дить его всем необходимым, а дружеская Венецианская республика с благодарностью вернёт все долги.

Так с помощью высоких особ жизнь Тревизана была спасена: Тревизана освободили, дали в дорогу 70 рублей и провожатого дьяка с посольской грамотой.

– А как же другой итальянец, Джан Лука Вольпе, прозванный Иваном Фрязиным? – спросил фон Поппель. Было видно, что рассказ Курицына задел его за живое.

– Так и провёл остаток дней в оковах, – ответил Курицын.

Фон Поппель вздрогнул и снова закашлялся.

– И поделом ему. Суров наш государь, но справедлив.

Тусклый свет лампадки едва достигал угла, в котором сидел фон Поппель. Курицын не видел его лица, но ощущал, что рассказ возымел нужное действие.

– Я готов встретиться с наместником московским, – голос Фон Поппеля дрожал.

Наутро оба сидели у наместника.

– Я больше не буду просить встречи с государём вашим Иоанном Васильевичем, – говорил рыцарь немецкий Патрикееву. – Потому что не имею к нему никакого поручения. Я странствующий рыцарь. Повидал все христианские державы. Хочу и вашу осмотреть.

– А зачем? – спросил Патрикеев.

– Любопытства ради...

В голосе фон Поппеля было мало убедительности, поэтому наместник выразился довольно сухо и явно с неодобрением:

– Нам сие непонятно.

Фон Поппель чуть не поперхнулся и стал говорить быстро и вразумительно.

– В землях немецких до сих пор считают, что за Польшей и литовской Русью находится Татария. То-то все удивлены будут, что это не так. А открою я, рыцарь императора Фридриха.

– Корысть-то какая в этом? – добивался истины недоверчивый Патрикеев.

На лбу фон Поппеля выступила испарина.

– В Королевстве Португальском знавал я мореплавателя Христофора Колумба. Он путь в Индию искать собирался, целый флот на деньги короля смастерил. Я же открою новые земли с двумя слугами своими.

– Тешишься мнимым величием своим, – не выдержал Курицын, до того соблюдавший субординацию и не вступавший в беседу, а только переводивший слова немца. – Нешто других доблестей не можешь сотворить? К примеру, описать могущество земли нашей в записках о Московии.

– Не имею таких талантов. Но императору Фридриху и сыну его Максимилиану расскажу. Интерес у них появится, захотят они дружбу с государем вашим завести. Вот и мне выгода будет.

Такой оборот дела понравился Патрикееву.

– Доведу слова твои до слуха государя нашего.

Курицыну же бросил:

– Может, и поверит Иоанн Васильевич. По мне, так на дыбе испытать надо. И, запустив пятерню в бороду, добавил: «Это ты не толмачь».

Иоанн Васильевич с утра был в дурном настроении. Не давала покоя мысль о бренности жития. Вот брат Юрий Васильевич, когда помер, не оставил наследников, не был женат даже. Зачем жил? Отец отписал ему состояние немалое, города Дмитров, Можайск, Серпухов, Медынь, Хатунь. А сёл... так со счёта сбиться можно: даже бабка, Софья Витовна, с две дюжины деревенок любимцу подкинула. Всё в прах превратил! Одних долгов на 752 рубля. И всё бы ничего... у монастырей под залог брал, а они и так жируют. В завещании ни одного

города никому не отписал, одни лишь деревеньки и сёла – братьям, матери да племяннику. Всё же верно я сделал, что города себе взял, пусть и обижаются братья, – думал Иоанн.

Или Андрей Меньшой. Юрию Васильевичу тридцать два стукнуло, как к праотцам ушёл. Этот и до тридцати не дотянул. Хоть и женат, опять же, без наследника. Хорошо, успел Вологду мне отписать. То-то братцы Андрей да Борис помалкивают. Все под Богом ходим. Неровен час, оно и с коня упасть можно.

Размышления Великого князя прервал приход Патрикеева.

– Ну, что, Гвоздь, – Иоанн Васильевич любил наделять своих подданных уменьшительными именами и прозвищами. – С чем пожаловал? Раскусили лазутчика литовского?

– Раскусили, господин Государь.

С недавних пор князь стал требовать добавлять к своему титулу приставку «господин». Послы Великого Новгорода обратились к нему просто – «государь» – и поплатились за это. Новгородская свобода, как и новгородское вече, канули в лету.

– Только он не лазутчик вроде, – промямлил Патрикеев.

– Что-о-о? – эхом разнеслось по дворцу.

От крика государя постельничий, старый боярин Дмитрий Сорокоумов-Глебов, по прозвищу Бобр, мирно дремавший у входа в спальню, вскочил и испуганно завращал глазами.

– На дыбе пытали? – Иоанн Васильевич неожиданно перешёл на шёпот. От этого Патрикееву стало страшно.

– Нет, господин государь. Курицын не советует, – соврал Патрикеев. Решил испытанным путём отвести от себя надвигавшуюся грозу.

– Позвать Василия Мамырева, – велел Иоанн Васильевич постельничему.

В большой зале с утра уже толпилось около пятисот бояр и воевод – весь цвет двора государя. В любой момент каждый из них мог понадобиться Великому князю, самолично решавшему все дела, даже самые мелкие.

Василий Мамырев был самым опытным, и не только из-за возраста, дьяком.

В молодые годы он был переписчиком книг, знал языки, искусства разные. Государь поручил ему блюсти летописный приказ. Василий всегда был под рукой. Это было удобно. В сложных ситуациях Иоанн Васильевич часто обращался к нему с вопросами.

«В толк не могу взять, – думал Патрикеев, – почему государь вызвал старого дьяка, а не Курицына».

– Ты пойдёшь, Гвоздь, постои за дверью, – ласково обратился к нему Иоанн Васильевич, когда в дверном проёме показалась седая голова Мамырева. Тёплые нотки в голосе Великого князя ещё больше насторожили Патрикеева.

– Слыхивал ты, Василий, аль нет? Задержали на границе с Ливонией немца Поппеля.

– Как не слыхивать? Слыхивал, господин государь.

Иоанн Васильевич помрачнел.

– Дела секретные, а все слыхивали. Может, и девки, что подушки у меня взбивают, слыхивали?

– Не могу знать, господин государь. Я по службе моей знаю. Ведь сами велели, господин государь, тайно присматривать за порядком.

– Что ты заладил: «господин государь» да «господин государь». Ответь прямо. Может, его на дыбе поспрашивать? Чай, вину свою признает – подозреваю, лазутчик он литовский.

Мамырев задумался.

– Сказывают, господин государь, грамота у него охранный имеется?

Иоанн Васильевич усмехнулся.

– Имеется, да не мне предназначается. Просит Фридрих-император всех государей христианских тепло принимать немца и земли свои показывать.

Зачем, не разумеет.

– Вспомни, господин государь, венецианские послы проездом из Персии приезжали, любопытства ради, потом книги о странах дальних писали. Ты не задержал их. На дыбу, если причина есть, то оно можно, конечно. А коли ошибёшься, что подумают христианские государи? Ты Фёдора Курицына позови. Он с Поппелем много беседовал, в арестную избу к нему заходил. А на дыбу, оно никогда не поздно.

Так завершил свой ответ государев дьяк Василий Мамырев.

Он был уже в дверях, когда Иоанн Васильевич окликнул его:

– Сказывают, ты Книгу ветхозаветных пророков заказал переписывать.

С картинками или без них будет?

– С картинками, господин государь, – улыбнулся Мамырев, низко поклонился в ноги государю и вышел из спальни.

Иоанн Васильевич недолго оставался один. Вошли постельничий и наместник, ожидавшие за дверью окончания разговора.

– Слушай, князь, решение моё, – обратился Иоанн Васильевич к Патрикееву. – Приводи Поппеля по полудню... И Курицына захвати... Всё, иди. Занят я.

«Что задумал князь? О чём говорил с дьяком?» – в голове наместника крутились различные коллизии, но ни одна из них не казалась ему реальной. Лишь одним способом можно было проверить отношение государя. Если пригласит немца на обед – значит, благоволит к нему, если нет... думать о таком развитии событий не хотелось.

– Потчевать немца будем? – уточнил Патрикеев, ничем не выказывая своего волнения.

– Велика честь. Сдаётся мне, персона не такая значительная. Харчи с моего стола ему в палаты принеси, после беседы. Курицыну скажи, разговор будет короткий. Дел скопилось много. Ступай.

«И всё-таки, день неплохо начинается», – решил Великий князь, оставшись наедине с самим собой. Присутствие постельничего, примостившегося в закутке у двери, во внимание не принималось. Так было заведено для безопасности великокняжеской ещё при батюшке, царствие ему небесное.

Глядя на государя, постельничий Бобр, наконец справившийся с дремотой, перебирал чётки и молился о процветании Великого княжества Московского. Он ложился спать позже всех, проверяя посты стражи во дворце государя, а поднимался с рассветом, раньше княжеской челяди, чтобы отдать необходимые распоряжения. Недолгие минуты, в которые Великий князь оставался один, были минутами отдохновения для постельничего, но жизнь при дворе по порядку, им заведённому, кипела.

Едва занялась заря, была отправлена подвода в Рыбинскую слободу за льняным полотном для нового постельного белья Великого князя, на заднем дворе девки из постельничего приказа вывешивали великокняжескую перину, а холопы на дальних задворках выбивали палицами пыль из ковров, дорожек и половиков.

В большой зале, как давно было принято у великих князей Московских, накрывались длинные столы с лавками для обеда бояр.

Уже поставили золотые и серебряные сосуды с уксусом, перцем и солью, незаметно появились серебряные штофы с водкой – её всегда пили перед обедом, нашли своё место тарелки, вилки и ложки из мельхиора. На кухне ещё дымились чугунные чаны – заканчивало тушиться медвежье мясо, но уже столыники взгромоздили на византийское блюдо, украшенное драгоценными камнями, огромный каравай из ржаного хлеба. Ценный груз столыники пронесли к великокняжескому столу, находившемуся чуть в стороне, на возвышении, и водрузили с гордым видом.

К нему, как к восьмому чуду света, устремились вожделённые взгляды сидящих за столами – от каравая Иоанн Васильевич рукою собственной должен будет отламывать лучшие куски и потчевать именитых гостей, а также бояр, особо отличившихся при исполнении его

наказов. Сам Иоанн Васильевич, уставший от забот и раздумий, уже час как сладко дремал, облокотившись о накрытый белоснежной скатертью стол. Без него к еде не приступали.

Бояре сидели тихо, едва слышно перешёптываясь. Внезапно тишину нарушил скрип входной двери. Великий князь вздрогнул.

В назначенный час в залу входили три экзотичные фигуры.

Впереди, в красной куфии до пят, раскрытой на впалой груди, семенил маленькими ножками наместник. Развивающиеся парусами фалды его одежды едва касались голубой глади пахнувшего свежей краской пола. Острые носки красных сафьяновых сапожек рассекали воздух с невиданной скоростью, казалось, он летел, как ялик по Москва-реке, ловко лавируя между столами-островами. Сзади, осторожно переставляя ноги в чёрных высоких ботфортах, боясь наступить на полы платья наместника, шёл, спотыкаясь, как лошадь со спутанными ногами, долговязый немец в новом, начищенном гуталином кожаном камзоле и широкополой шляпе с высокой тульей. Казалось, он вот-вот переломится пополам и рассыплется на составные части, собрать которые предстоит третьей фигуре. За ним неотступно как тень, ступая мягко и неслышно, шёл Фёдор Курицын, одетый в чёрный кафтан, расшитый на плечах и спине серебряными узорами в виде северных цветков с короткими листьями, в чёрные сапоги и черную соболью шапку. Ни дать ни взять скромная славянская тень высокопарного Запада, только выглядела она добротнее оригинала.

Не дойдя трёх шагов до стола Великого князя, наместник обнажил лысую голову, поклонился в три погребения и произнёс:

– Позволь, Великий господин государь всея Руси, представить тебе немецкого рыцаря Николая фон Поппеля. Извини, что отрываем тебя от трапезы.

Фёдор Курицын тихо переводил гостю слова Патрикеева.

Рыцарь снял шляпу и, размахивая ею, склонился в долгом поклоне.

– Что привело тебя, Поппель, в наши земли? – вопрошал государь.

Немец попытался произнести заранее приготовленную фразу: «Я видел все страны христианские, хочу посмотреть и вашу...», – но Великий князь прервал его на полуслове.

– Знаю, знаю... любопытства ради.

Наместник застыл в тревожном ожидании, а немец нервно переступал с ноги на ногу. Только Курицын держался спокойно и уверенно.

– Наша страна слишком велика, – продолжил Иоанн Васильевич. – И мы не всю её объездили. Решили мы не обременять тебя долгой и изнурительной дорогой. Думный дьяк Фёдор Курицын зело умён и образован. – Великий князь с ироничной ухмылкой взглянул на Курицына. – Он расскажет всё о стране нашей.

Иоанн Васильевич отпил из серебряного штофа и протянул второй, полный до краёв, фон Поппелю.

– Я пью за здоровье твоего императора Фридриха, а ты выпей за моё.

Немец взял в руки штоф.

– Выпить нужно до дна, – успел шепнуть ему Курицын. – Не то худо будет.

Поппель запрокинул штоф и попытался выпить содержимое одним махом. Но не тут то было. Перехватило дыхание, обожгло горло, а потом и внутренности. Рыцарь дико завращал глазами, отстранил сосуд и закашлялся. Потом вторично поднёс штоф ко рту и осушил до дна.

Наместник забрал посуду из слабевших рук рыцаря и передал государю.

Иоанн Васильевич заглянул в середину.

– Вижу, уважаешь ты меня и державу нашу. И прибыл ты с добрыми намерениями. Ступай с Богом. Расскажи о землях наших своему императору. Мои люди проводят тебя до границы с Ливонией.

Курицын выполнил поручение государя и поведал Поппелю о земле Московской всё, что нужно было: о границах, о городах, о торговле. Впечатлительный рыцарь слушал плохо.

Временами слёзы радости появлялись на его лице. Тогда он прерывал рассказ Курицына и несвязно бормотал слова благодарности.

Приставы принесли еду с великокняжеского стола, но рыцарь уже спал счастливым сном человека, недавно вернувшегося с того света.

Курицын едва дождался вечера, чтобы продолжить писательские утехы. Вспомнил, как фон Поппель при знакомстве с государем снял свою парадную шляпу и долго размахивал ею, выражая особое почтение Иоанну Васильевичу. Взял в руки гусиное перо и записал – почерк у него был размашистый:

– Прибыли ко двору Дракулы послы турецкие. Приветствуя валашского господаря, наклонили головы, но не сняли чалму. Дракула заставил прибить головные уборы послов гвоздями. «Боюсь, чтобы шапки ваши с голов не слетели», – объяснил он умирающим посланникам турецкого султана.

Свеча в комнате дьяка, ещё долго светила, пока не сгорела дотла.

Дело второе. Свобода воли. Отдать жизнь за Великого князя

Ох и злая зима стояла на Белом озере!.. Михаил Андреевич, князь Белозерский и Вере́йский, не выдержал: за нерадивость запорол плетью истопника Степана, но оттого теплее не стало. Бояре, приехавшие с князем, притихли, забились по углам да закоулкам. Дьяк Иван Кулударь, наместник князя на Белом озере, тот от страха нарядился шутом и давай веселить Михаила Андреевича. А всё зря – не до них. Князь кутался в шубы, пил медовуху, вспенившуюся на огне, чертыхался на чём свет стоит... не помогало.

Хилое досталось наследство князю: кочки да болота, да леса тьмушие. Одна отрада – Кирилло-Белозерский монастырь, отписанный покойному батюшке Андрею Дмитриевичу по духовному завещанию игумена Кирилла. Холопы местные совсем одичали, только грибами да ягодами перебиваются – какой в них прок. Монастырь же растёт, живёт промыслом, жиреет на глазах.

Михаил Андреевич бросил в угол пустой кубок и велел конюшему запрягать.

Княгиня Елена прикусила тонкие губы: «Таки понесло в монастырь, не передумал. И что неймётся? И стар, и сед, и болен. Лежал бы дома, в Верее. Так нет, сорвался, как оглашенный. А зачем? Прихоть свою явить? К Белому озеру путь неблизкий – почитай, десять дней ехали. А толку?».

Так думала княгиня, а сказать боялась. Больно строг с домашними был Михаил Андреевич.

И было от чего осерчать князю: чуть не полвека стояло проклятие над родом его. Началось всё с дяди – князя Юрия Галицкого. По завещанию Дмитрия Донского, передавшего права на княжение старшему сыну Василию, Юрий должен был занять престол московский после смерти брата своего старшего, но, как часто бывает на Руси, тот ослушался наказа батюшки и завещал княжение малолетнему сыну, тоже Василию. Юрий поднял бучу великую. Не хотел пускать малолетку на трон великокняжеский. Обратился за разрешением спора к золотоордынскому хану Уллу Мухаммеду. Рассудил тот чисто по-татарски. Быть Василию на великом княжении. Но и этой воле не подчинился Юрий, занял престол. А когда вскоре внезапно умер, смуту продолжили дети его, Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Захватили братья соперника Василия, ослепили и клятвой на кресте заставили навсегда отречься от власти. Но вместо содержания под стражей выделили Василию Тёмному, так он стал называться, княжеский удел в Вологде. Гуманизм на то время неслыханный! Отблагодарил Василий по-своему. Поехал в Кирилло-Белозерский монастырь. Там настоятель Тихон освободил его от клятвы... Отсюда пошёл войной на Москву и вернул престол.

Батюшка Михаила Андреевича колебался. Брата Юрия в законных правах поддерживать или племянника – Василия Тёмного? Был момент, когда в ответ на просьбу племянника Андрей Дмитриевич не повёл войско своё ему на помощь. Потом одумался и принял сторону Василия. Помнил ли Великий князь Василий Тёмный эту минутную слабость батюшки? Говорил ли об этом сыну, нынешнему государю Иоанну Васильевичу?

Михаил Андреевич, хоть и мал был, когда родитель, Андрей Дмитриевич, царствие ему небесное, представился, к советам батюшки прислушивался всю жизнь. «Служи Великому князю верой и правдой, сохранишь удел свой Белозерский и Вере́йский, умрёшь в своей постели, в окружении близких людей, а не один в чистом поле», – говорил батюшка. Так и поступал Михаил Андреевич, потому и сорок два года княжит. Была одна загвоздка. Поднял он духовную грамоту игумена Кирилла, отца-основателя монастыря, и ужаснулся. Величал Кирилл батюшку «Великим князем». Так и писал: «Передаю монастырь – труд свой и

своей братии – Богу, и Пречистой Богородице, Царице Небесной, и господину князю Великому Андрею Дмитриевичу, сыну моему».

Заставил Михаил Андреевич писаря вымарать это ужасное слово «великому». В письмах называл Иоанна Васильевича государём всея Руси, старшим братом своим. Подействовало. Да три года назад опять незадача. Вскрылось старое деяние цареградской царевны Софьи, жены Иоанна Васильевича. Сын Михаила Андреевича Василий женился на её племяннице Марии. Радовался Михаил Андреевич, радовался Великий князь.

Но вот родился первенец у сына Великого князя от первого брака Ивана Молодого и Елены, дочери господаря Молдавии Стефана Великого. Повелел Иоанн Васильевич достать из хранившихся в казне сокровищ драгоценное узорчье – украшения первой жены своей и отдать в подарок молодым. Тут и открылось, что Софья, не спросясь, одарила этим узорчьем свою племянницу, когда замуж её отдавала. Иоанн Васильевич был в гневе невиданном. Велел отнять всё приданое племянницы и угрожал молодому князю Белозерскому темницей, будто в чём была его провинка. В страхе сын и невестка в Литву бежали. И разумно поступили. Михаил Андреевич подсказал. Великий князь уже людей посылал взять неразумных, да опоздал. Объявил Великий князь Василия навеки лишённым отцовского наследия, клятвенною грамотою обязал Михаила Андреевича не иметь никакого сообщения с сыном-изменником, и города Ярославца, Белоозера и Верею по кончине уступить ему, государю Московскому, в потомственное владение.

Сани скрипели на искристом снегу. Мысли растекались, как буквицы из-под пера монастырских писцов-летописцев. От невесёлых раздумий у Михаила Андреевича голова разболелась. Велел остановить сани. Натёр жаркий лоб снегом. Вдалеке среди бесконечных равнинных просторов, укрытых снежным саваном, виднелись монастырские постройки. Часто Михаил Андреевич бывал здесь, а каждый раз монастырь открывался по-новому.

Летом он, словно град Китеж, вставал из вод Сиверского озера: белые крепостные стены с могучими контрфорсами, прямоугольные башни, а за ними добротные стены деревянных церквей, трапезная, библиотека. Сейчас стены монастыря почти слились со снежной равниной, от этого казалось, что резные верхушки тяжёлых башен, зелёные купола церквей и колоколен висят в воздухе.

– Царица Небесная, – прошептал Михаил Андреевич, трижды перекрестился и сел в сани. – Никак, знамение мне. Засиделся на белом свете!

Отца-настоятеля на месте не было, вызвал архиепископ Ростовский Тихон, отчёт захотел держать. Михаил Андреевич велел кликнуть монаха Ефросина – в отсутствии преподобного старец, знававший, говорят, самого Кирилла, выполнял обязанности игумена.

Отец Ефросин, сморщенный, как перезревший гриб в осеннем лесу, старичок, седовласый и седобородый, появился не сразу. Михаил Андреевич, было, осерчал, но, увидав старого монаха, вид которого – сама покорность – исключал возможность давать нагоняй, еле сдерживал улыбку.

– Почему ждать заставил? – спросил князь строгим голосом. Высокое положение не давало ему права быть снисходительным к человеческим слабостям.

Ефросин, по-видимому, почувствовал борьбу между умом и сердцем, происходящую в душе князя, поэтому особого беспокойства не выказал.

– Велел чай приготовить да куличи, до которых так охоч наш батюшка, кормилец и благодетель, светлый сокол Михаил Андреевич. Потому и припоздал.

– Да брось, Ефросин, не юли. Небось, книжицу новую дописывал, – ещё пытался сохранять субординацию Михаил Андреевич.

– Прости, батюшка, был грех, – Ефросин сделал умильное лицо, чем окончательно отодвинул условную черту, разделявшую два крайних полюса в иерархии Московского государства – князя и простого монаха.

– Ладно, – махнул рукой князь. – Веди в библиотеку. Яви труды свои.

От архимандричьих келий, где князь ожидал старого монаха, Ефросин, проваливаясь в сугробах, засеменил к библиотеке, выбрав самый короткий путь между церквями Архангела Гавриила и Успения Пресвятой Божьей Матери. Михаил Андреевич, экономя силы, старался идти след в след с Ефросином. Но так как нога у князя была раза в два больше монашеской, на свежавыпавшем снегу оставались только его следы, создавалось впечатление, что по монастырскому двору движется только один человек.

Возле церкви Успения Пресвятой Божьей Матери Михаил Андреевич остановился.

– Постой, Ефросин, помолиться хочу.

– Как же, батюшка, я и сам предложить хотел.

Ефросин открыл перед князем дверь в главный собор Кирилло-Белозерского монастыря. Он был построен и освещён в год основания обители Кириллом Белозерским в сорока верстах от Бела озера и перестроен его преемником игуменом Трифоном через двадцать лет после смерти преподобного. Главной святыней храма была чудотворная икона Богоматери Одигидрия, принесённая Кириллом из Симонова монастыря. Возле неё и остановился князь. Много лет назад икона спасла от тяжёлого недуга, болезни ног, молодую жену его, княгиню Елену Ярославну. Князь молча постоял, помолился, взял из рук Ефросина свечу и поставил её возле иконы.

– Прошу Пречистую Матерь Божью в случае кончины моей, – шептал Михаил Андреевич, – не обделять вниманием своим жену мою Елену, сыновей Василия и Ивана, невестку Марию, деток малых, коли появятся. Всё ли я сделал, чтобы надеяться на милость Божью? Жил тихо и праведно, суды над подданными чинил справедливо, помогал нищим и сирым, монастырю любимому дарил сёла, поля и угодья. Всё ли я сделал, чтобы не навлечь гнев государя своего Великого князя Иоанна Васильевича? С сыном родным, бежавшим в Литву, сношений не имел, как того хотел государь. В споре о монастыре Кирилловом не перечил церковному собору, на суд которого государь дело передал, вернул обитель под крыло архиепископа Ростовского. Удел свой, Белозерский и Верецкий, содержал исправно, рыбным и соляным промыслом казну пополнял успешно, монету чеканил, церкви строил. Всё тебе достанется, государь, как скрепили мы клятвою при целовании креста. Не оставь, Иоанн Васильевич, одних детей моих, не обидь бояр да служилых людей. Всё, что я дал им, оставь, не забирай, пусть живут, как заведено при мне, тогда и обид не будет.

Ефросин во время совершения молитвы стоял в сторонке, чтобы не мешать князю, а тот, оставив чудотворную, подошёл к другой иконе – Успения Богоматери. Старые монахи говорили, икона эта тоже Кириллом привезена была. Считалось, писана рукой самого Андрея Рублёва. Ну а третьей иконой, которой поклонился Михаил Андреевич, был образ святого Кирилла Белозерского, написанный при жизни преподобного иконописцем Дионисием Грушицким.

Вышли из церкви ... и упёрлись в сугроб. Повернули обратно. Молча прошли мимо Святых ворот, братского корпуса с монашескими кельями, и, повернув мимо священнического дома, где и отец Ефросин обитал, подошли к библиотеке.

– Хотел отцу-настоятелю исповедоваться, но получилось лучше, – коротко бросил Михаил Андреевич и вошёл в просторные сени.

Ефросин, пропуская князя вперёд, думал о том, какую книгу из последних переписанных показать Михаилу Андреевичу. Повесть о Дракуле, которую привёз Фёдор Курицын и от которой оторвал приезд князя? Не окончена ещё. Да и не то настроение у Михаила Андреевича, он сам обижен пристрастным отношением к нему государя. «Александрию» – о жизни Александра Македонского? Опять же одни баталии, а князь нуждается в успокоении от тяжких раздумий. Мимо столов, за которыми сидели писцы, летописцы и переписчики книг, прошли в

зал, где хранились книги – истинное богатство монастыря по твёрдому убеждению Ефросина. Там и уединились.

Михаил Андреевич давно не бывал здесь, почитай, с той поры, как излечилась от болячек жена Елена Ярославна. Казалось, мало что изменилось, хотя нет, книг прибавилось значительно. Вдоль стен просторного зала на полках стояли древние фолианты в дорогих серебряных окладах, некоторые украшены драгоценными камнями. Князь остановился возле одной из них.

– Вроде, не наши, иноземные? – спросил он, проведя рукой по изысканным окладам. – Откуда богатство?

– Есть греческие, латинские, сербские, немецкие и даже иудейские, – лицо Ефросина удивительно переменилось, когда он заговорил о книгах. Теперь на князя смотрел не старичок-боровичок, который встретил его у палат архимандрита Трифона, а интеллигент с умным пытливым взглядом. – Всё подарки. Послы дарили, дьяки да бояре привозили, из путешествий возвращаясь.

– Жаль, не читал, языкам не обучен, – князь наугад взял одну из книг и рассеянно полистал страницы. Это было Евангелие с деяниями апостолов, изданное при дворе византийского императора Константина.

– Рассуди, Ефросин, ты человек книжный. Как может уживаться в одном человеке любовь и ненависть к ближнему своему? Как можно одной рукой сеять добро, а другой – зло? Почему Господь попускает кому-то в неправедных деяниях, а кому-то и за добро добром не отплачивает? Что говорят об этом отцы церкви? – Михаил Андреевич поставил книгу на место и посмотрел в глаза иноку.

– Ты, князь, просил книжицу новую показать, мною переписанную. Есть такая. «Лаодикийское послание» называется. Может, и на вопросы твои ответит.

– Кто написал, апостол Павел? – Михаил Андреевич хорошо знал послания апостолов. Одно из них, не вошедшее в Новый завет, и было «Лаодикийским».

– Кто написал, неведомо мне. Есть приписочка, как определить. Да больно мудрёно делать это. Времени у меня нет, – Ефросин подошёл к одной из полок с небогатыми переплётами – это были книги, переписанные в Кирилло-Белозерском монастыре – и достал одну из них, самую тоненькую. – Ты не смотри, Михаил Андреевич, что мала по размеру, зато больно мудра она.

Князь Белозерский перелистнул заглавную страницу и прочитал верхнюю строчку стихотворного столбца, расположенного на первом листе: «Душа самовластна, заграда ей – вера».

– Ну, вот и ответ тебе, – улыбнулся Ефросин. – Душа сама над собою власть имеет.

– Это что значит? Не зависит от Бога? – удивился Михаил Андреевич. – Да это ересь, брат Ефросин. По-твоему выходит, всё, что хочешь, делать можно. Так это призыв к прямому разбою.

– Нет, не ересь, – возразил монах. – Находится душа внутри заграды, то есть, как двор твой ограждена забором из веры. А насчёт разбоя, читай дальше, яснее станет.

«Вера – наставление, – прочитал князь, – дается пророком», – ну это понятно, нужно читать книгу пророков. Великий князь заказал такую дьяку Мамыреву.

– Читай дальше, Михаил Андреевич, – Ефросин сложил маленькие ручки на груди, ожидая дальнейшей реакции князя.

«Пророк – старейшина, направляется чудотворением», – третья строка вызвала у князя противление. – Пророки писали в древние времена, когда всё непонятное казалось людям чудесами, – неожиданно для себя сделал он новое умозаключение.

– Умён князь. Зело умён, – подумал Ефросин, а вслух сказал:

– Что ж ты, Михаил Андреевич, отрицаешь чудеса, сотворённые Богом, отцом нашим и сыном его Христом.

Князя не смутил резкий переход Ефросина.

– Чудо, Богом и сыном его Христом сотворённое, не отрицаю. Я о пророках говорил. Хотя подожди. Дай, дочитаю: «Чудотворение – дар, мудростью усилеет». Это понятно, чудеса из мудрости протекают, – и продолжил дальше: «Мудрость сила, фарисейство – жительство. Пророк ему наука, наука преблагенная».

– Постой, Ефросин. А фарисеи здесь причём?

– Думаю, нипричём, Михаил Андреевич. Слово фарисейство – для примера образа жизни взято. А вот направляется образ жизни путём постижения мудрости пророка. Вот тебе и начало ответа на вопрос твой о разбое и других неправедных деяниях. Читай далее.

«От сего приходим в страх Божий.

Страх Божий – начало добродетели.

Сим вооружается душа».

Михаил Андреевич выразительно посмотрел на Ефросина.

– Выходит, человек волен самовластно прийти к мысли о послушании Богу.

– Думаю так, – Ефросин победоносно посмотрел на князя. – Тогда и поступки будут праведными. Без знания мудрости бессилён он. Потому и не можем мы осуждать человека. Сам он себе судия. Сам за грехи свои и ответит.

Князь в задумчивости подпёр голову руками. Лицо его помолодело, казалось, скинул Михаил Андреевич груз забот, довлевший над ним.

– Мне всё же интересно, кто написал сию книжицу. Зовёт она к размышлению.

Ефросин взял книжицу в руки.

– Сейчас прочитаю:

«Если кто-нибудь хочет узнать имя человека, доставившего Лаодикийское послание, то пусть сосчитает: дважды четыре с одним и дважды два с одним, семьдесят раз по десяти и десять раз по десяти, заканчивается ером.

В этом имени семь букв: царь, три плоти и три души».

– Могу дать лист бумаги, – монах хитро улыбнулся.

– Ну, уж слишком, – Михаил Андреевич поднялся из-за стола. – Итак много загадок. Вели запрягать. Хочу засветло в Белоозеро обернуться. По дороге подумаю. Постой. Перепиши-ка послание ещё раз. Для меня.

Михаил Андреевич обнял инока и вышел в монастырский двор. Солнце, удивительно яркое для этой поры года, перешло на вторую половину бескрайне голубого северного неба. Стояла тишина необыкновенная...

В то же примерно время в пятистах верстах южнее Кириллова монастыря в Богом избранной Москве Фёдор Васильевич Курицын, важная персона в создаваемом Великим князем Иоанном Васильевичем государстве, тоже сажился в сани, собираясь навестить родителей в родовом имении Курицыно в двадцати верстах к северо-западу от стольного града.

Курицын любил зиму... Не ту мерзопакостную, что в Венгерском королевстве, когда везде лужи да грязь, а настоящую русскую зиму, с лёгким обжигающим ветерком, хрустящим под ногами снегом, сияющими ночными звёздами.

Сани летели лихо, казалось, и лошади не нужны – дорога шла под уклон.

Москву промчали – не успел оглянуться. Выехали на Тверскую дорогу – там ещё быстрее. Эх, русская душа! Нет... остановиться, оглянуться, подумать, взвесить, рассчитать. Всё рвётся куда-то. Лбом двери вышибает.

Позади ближние деревеньки: Дрогомиллово, Новинское, Кудрино, Три Горы, впереди – поворот на Волоколамск. Выбирать нужно: по Волоколамской или по Тверской дороге ехать?

Всё же, несмотря на кажущуюся русскую беспшабашность, в жизни была одна закономерность, которую Курицын хорошо усвоил. Чем ближе к Кремлю были деревеньки, тем знатнее

их владельцы, чем дальше – тем менее родовитые. Вотчина Курицыных – самая дальняя из всех близких к Москве.

Потому Фёдор Васильевич и решился напрямик ехать, лесами да болотами. Увязнуть в трясине не надеялся, мороз – в помощь, а лесом – так дорожка была, которую знал хорошо. Показал бывший боярин, ныне монах Кириллова монастыря Гурий, в миру Григорий Михайлович Тушин, внук знатного боярина Василия Туши, правнук воеводы Костромского Ивана Родионовича Квашни, от которого и пошли ближайшие соседи Курицыных: Квашнины и Тушины.

Удивительно, что не все ещё на Руси золотому тельцу благоволят, думал Курицын. Вот у Григория и власть, и деньги. Но в двадцать два годка сказал отрок: «Не деньги мерило всего» и отрёкся от имени своего. Удалец, всё же Гришка! И в монахах – первый! В тридцать с небольшим – игумен, и не где-нибудь, в Кирилло-Белозерском монастыре.

Дорога уже шла по соседским землям. По правую руку деревенька Братцево – вотчина Квашниных – открылась. По левую – Коробово – владение Тушиных – промелькнуло. Не заметил Фёдор Васильевич, как реку Химку переткнул. Понял только, когда в большую яму, вернее, не яму – ямище, упёрся. На версты две ровным кругом идёт, словно выгреб кто землю ковшом или чашей – здесь река Восточная петляет, крутой поворот делает. Место это в народе «чашей» прозвали. И вправду чаша! Только не мёдом полна, а белым снегом.

Курицын остановил сани. Эх, красота! Иметь бы крылья – взлетел бы белым соколом! Потом подумал: «Летать бы больно много не дали, с лихвой среди бояр завистливых».

Объезжал «чашу» долго, сани вязли в глубоком снегу. Но вот и Курицыно.

– Ну, дай поесть сыну, Василий, – причитала матушка, вынося хлебосолы из поварской комнаты. – Потом расспросишь, чай, не вечер.

Родительский стол не ломился от яств, но и бедным его нельзя было назвать: кулебяка, гусиный паштет, варёная репа, глухарь, запеченный в тесте, брусничный и клюквенный морс, медовуха, куличи с рыбой и голубикой – всё, чем богата была земля подмосковная, матушка сама аккуратно выстраивала на столе, крытом кружевами вологодскими.

С десяток крестьянских душ досталось Василию Афанасьевичу из надела Великой княгини Софьи Витовны, бабки нынешнего государя. Был он служилым человеком в её вотчине – Митино. Выбился в люди благодаря уму и сообразительности, за что и дарован был малой деревенькой.

Снаружи отеческий дом мало чем отличался от простой крестьянской избы, разве что больше был по размеру, да во дворе отец соорудил конюшню и баньку. Зато внутри обстановка не уступала иным боярским усадьбам. Резные шкафчики, буфеты, коврики домотканые и даже персидский ковёр на стене в гостиной зале. В услужении у матушки три дворовые девки. Одна хлебосолами занята, другая стиркой да прибиранием светлиц, третья ткачеством и вышиванием – кое-что из её рукоделий зимой выставляли на продажу на Москве-реке. Единственный дворовой холоп – конюх Елисей – он же плотник, кузнец и до девок охотник, не раз был бит хозяином за недопустимые вольности. Оттого отличался преданностью и особой любовью к «Курице» – как за глаза называли Василия Афанасьевича более влиятельные соседи. Елисей в обиду хозяина не давал и не раз встречал в перепалку, и не только словесную, с соседскими, если слышал от них оскорбительное, по его мнению, прозвище.

– Ну, как там, в Венгрии? – вопрошал любознательный Василий Афанасьевич. – Палаты каменные али деревянные мастерят?

– По преимуществу, каменные, – коротко отвечал Фёдор.

– Вишь ты, а у нас – деревянные. Оттого и пожаров много. Вот давеча у Тушиных Свято-Спасский монастырь горел – три дня не могли потушить. Леса в избытке, да головы нет. Как будем соболей, белок да куниц промышлять, когда весь лес вырубим?

– Не ворчи, Василий Афанасьевич, – вмешалась матушка. – Пусть Феденька о жилье в Москве расскажет. Как там внучата наши, Афоня да Ивашка?

– О Москве успеется, – перебил жену Курицын старший. – А кто королём у них, Фёдор?

– Королём Матвей Корвин. Корвин – прозвище, по-ихнему «ворон». Хитёр да пронырлив. Купил корону у императора Фридриха за большие деньги, а потом того императора из его города Вены и попросил. Турок разбил дважды. Зело мудр. Наш государь греческую царевну в жёны взял, а Матвей – флорентийскую. Книг на латинском привёз. Каменщиков, пушкарей, рудознатцев итальянских. Как и наш Иоанн Васильевич, земли венгерские собирает. Мало того, и соседние к рукам прибирает: Чехию, Силезию, Словакию тож.

На челе Василия Афанасьевича обозначилась борозда глубокая – призадумался он. Собрание земель – его любимая тема.

– Разумею теперь, зачем тебя государь к королю Венгерскому посылал. Нам свободный проход в Италию нужен. Нас ливонцы с поляками, литовцами да турками в кольцо взяли, вздохнуть не дают. Значит, с Венгрией дружить будем. А я думаю и с турками завести разговор надо: тогда по морю Чёрному купцы приезжать будут. И ни Литва, ни Польша, ни Ливония помехой не станут, обойдём их стороной. Ты как, Фёдор, мыслишь?

– Так и мыслю, – оживился Фёдор Васильевич. – С Венгрией против Польши договор заключил, теперь в Турцию послов посылать будем.

Ближе к вечеру, как давно уже было заведено, отец и сын уединились в небольшой комнате – «коморе», как называл её Курицын старший, где Василий Афанасьевич разрабатывал проекты об устройстве земли русской.

В «коморе» нашёлся для государева дьяка благодатный и вместе с тем требовательный слушатель – отец не любил фальши ни в делах, ни в мыслях. Ему решил Курицын поведать свою повесть о Дракуле, тайный плод венгерских размышлений. За этим в родимое гнездо и приезжал.

Открыл заветную тетрадку, набрал в грудь воздуха побольше и выговорил еле слышно:

– А послушай, батюшка Василий Афанасьевич, мою новую повесть.

Сказание о Дракуле

– Был в Мутьянской земле греческой веры христианин воевода именем Дракула – валашским языком, а нашим – диавол. Так зломудр, как по имени, такова и жизнь его была.

– Где же эта земля Мунтянская? – полюбопытствовал Василий Афанасьевич. Устроившись на лавке поудобнее, он приготовился к долгому слушанию.

Курицын знал, что батюшка любит точность. Посему чётко разъяснил:

– Это земля Валашская, что в гористой местности к югу от королевства Венгерского, да к западу от княжества Молдавского, – и продолжил:

– Однажды пришли к нему послы турецкого царя и, войдя, поклонились, а шапок – по своему обычаю – не сняли. Спросил их Дракула: «Почему так поступили, пришли к великому государю и бесчестие ему нанесли?»

Те отвечают: «Таковы обычаи страны нашей».

Он им говорит: «Я хочу закон земли вашей подтвердить, чтобы крепко его держались». И повелел прибить шапки к их головам гвоздями, и отпустил со словами: «Идите и скажите государю вашему, коли он привык терпеть от вас такое бесчестие, а мы не привыкли, пусть не посылает свой обычай являть другим государям, которым он чужд, а блюдёт только в стране своей».

– Суров, зело суров сей Дракула, – не удержался от восклицания Василий Афанасьевич, но в голосе его не слышно было осуждения действий государя валашского. – Но, Фёдор, доподлинно мне известно, что турки носят на голове не шапки, а тюбаны или, в крайнем случае, фески.

– Верно, отец, – улыбнулся Курицын. – Откуда ты знаешь? Я то турок видел, почитай, год держали меня в Белом городе.

Курицын старший промолчал, ничем не выдавая, что слова сына было ему лестно слушать. – Продолжай, продолжай. Потом расскажешь о Белом городе.

– Царь же весьма разгневался и пошёл на Дракулу войной, и напал великими силами. Тот же, собрав всё войско своё, ударил на турок ночью и перебил их множество. Но не смог с небольшой своей ратью одолеть всё их войско огромное и отступил. И стал сам осматривать всех, кто вернулся с ним с поля битвы. Кто был ранен в грудь, тому воздавал почести и в витязи производил, а кто в спину – того велел на кол сажать, говоря: «Не мужчина ты, а женщина». А когда снова пошёл войной на турок, то сказал воинам своим: «Кто о смерти думает, пусть не идёт со мной, а здесь остаётся». Царь же услышав об этом, повернул назад с великим позором, потеряв без числа воинов и не посмев выступить против Дракулы.

Фёдор Васильевич взглянул на отца, ожидая от него оценки происходящего. Тот слушал, закрыв глаза, только пальцы, тербившие угол скатёрки, выдавали его бодрствование.

– Сейчас самое интересное. Что ты скажешь на это?

– И отправил царь к Дракуле посла, требуя от него дани. Дракула же воздал послу пышные почести и показал ему богатство своё и сказал: «Я не только готов платить дань царю, но со всем воинством и со всем богатством своим готов пойти к нему на службу и, как повелит мне, так буду ему служить. И ты передай царю, что, когда пойду к нему, пусть объявит он по своей земле, чтобы не чинили зла мне и людям моим, а вскоре вслед за тобою к царю пойду и дань принесу. Царь же услышав от посла своего, что хочет Дракула прийти к нему на службу, и что послу его почести воздал, зело рад был, ибо вёл в то время войну на востоке. И тот час послал объявить по всем городам и по всем землям, чтобы, когда пойдёт Дракула, никто никого зла ему не причинял, а, напротив, встречали бы его с почётом. Дракула же, собрав войско, двинулся в путь, и сопровождали его царские приставы и воздавали ему всяческие почести. Он же, углубившись в Турецкую землю на пять дневных переходов, внезапно повернул назад и

стал разорять города и сёла, и людей множество перебил и пленил: одних турок на колья сажал, других рассекал надвое и сжигал, не щадя и грудных младенцев. Ничего не оставил на пути своём, всю землю в пустыню превратил, а бывших там христиан увёл и в своей земле расселил. И возвратился восвояси, захватив несметные богатства, а приставов царских отпустил с почестями, напутствуя: «Идите и поведайте царю вашему обо всём, что видели: сколько мог, послужил ему. И если любя ему моя служба, готов и ещё ему так служить, сколько сил моих станет». Царь же ничего не смог с ним сделать, только себя опозорил.

– Свиреп, слишком свиреп, хоть и христианин, – пробурчал Василий Афанасьевич. – Наш государь на его месте так не поступил бы. Мудрее наш Иоанн Васильевич будет. Он и воюет, и договоры о мире устраивает. Передышку давать нужно. Война войной, а, если слово даёшь, так держать нужно.

– Скажу, отец, и о времени мирном. Послушай, как Дракула жизнь внутри страны устроил. Здесь он слово держит – зло искореняет:

– И так ненавидел Дракула зло в своей земле, что если кто совершит какое-либо преступление, украдёт или ограбит, или обманет, или обидит, не избежать тому смерти. Будь он знатным вельможей или священником или монахом, или простым человеком, пусть бы он владел несметными богатствами, всё равно не мог отступить от смерти. Так грозен был Дракула.

Курицын взглянул на отца. Василий Афанасьевич тихо дремал, опустив голову на грудь. Фёдор Васильевич накрыл его плечи шерстяным покрывалом и подкинул в печь несколько поленьев – искорки благодарно обожгли дыяку его белые холёные руки.

Рано утром, когда небо едва только предвещало рассвет, не попрощавшись с родителем, Курицын выехал из родимого дома. Надо быть при дворе – Иоанн Васильевич не прощал долгой отлучки своих любимцев.

Князь Белозерский, дядя Иоанна Васильевича, не приходился ему ни любимцем, ни врагом. С тех пор как князья рязанские, ростовские да ярославские передали свои земли в московское княжение, только три удела оставались неподвластны Великому князю – братьев родных: Андрея и Бориса – да князя Белозерского. Братья – молодые, здоровы, хозяйство вели исправно. Не одну ночь промаялся Иоанн Васильевич в бессоннице: то голову в мягкие перины окунал, то квасу холодного отпить вставал – не помогало: мысли, как забрать себе вотчины братьев, вертелись в мозгу, словно рой пчелиный, покоя не давали. А за дядю душа не болела. Был Михаил Андреевич стар годами. Удел его – Верея с Малоярославцем, да Белоозеро с Кирилловым монастырём – никуда не денется: упадёт к его ногам как спелый плод с летнего дерева.

Но Михаил Андреевич как раз и не собирался умирать. Новая забава у него появилась. Словно молодильное яблоко, упавшее неведь откуда, и, возможно, как раз с того же дерева, о котором думал венценосный племянник, забава эта благотворно влияла на живительные сосуды дряхлеющего тела, озаряла короткие ночи и длинные дни свежим майским дыханием. Сдержал слово инок Ефросин: переписал Лаодикийское послание. Вместе с тремя подводами соли разъездной монах Климент доставил в Верею понравившуюся Михаилу Андреевичу книжицу.

«Мала книжица, а сколько забот мужу принесла! – дивилась княгиня. – И о болячках думать забыл, и об обидах. Как дитя малое, сидит над ней целыми днями, загадки разгадывает».

Но не только книжицей сыт был Михаил Андреевич. С утра принял купцов, ожидавших наряд на соляные припасы; отчитал, что мало соли берут, грозился ливонским купцам подряд отдать. Потом «старшему брату, государю всея Руси, Иоанну Васильевичу» письмо написал, поблагодарил за хлеб за соль, коими потчевал его племянник по дороге из Бела озера. Остановиться у государя – жена Михаила Андреевича велела. Княгиня приходилась двоюродной сестрой Иоанну Васильевичу по линии матери своей – та была сестрой жены Великого князя Василия Тёмного, отца государя. В сложных коллизиях между членами большой великокня-

жеской семьи родственные отношения давно уже ничего не значили. Это хорошо знал Михаил Андреевич. Но княгиня Белозерская и сама придерживалась старых отеческих правил и от мужа того требовала.

К обеду, освободившись от государственных дел, Михаил Андреевич с Лаодикийским посланием в руках уединился в потаённой комнате, о существовании которой знал только старый слуга, да и тот преставился в прошлом году. Ещё батюшка Андрей Дмитриевич распорядился соорудить её на всякий случай – «буде, где схорониться». Мало ли что? Вдруг ордынцы нагрянут или настроение у Великого князя Московского переменится?

Князю хотелось побыть одному, а княгиня сейчас должна приглашать на обед – по заведённому обычаю Михаил Андреевич должен восседать за столом в окружении бояр и воевод. Взяв лист бумаги и гусиное перо, Михаил Андреевич колдовал над книжицей.

«Чтобы узнать фамилию, – читал князь, – нужно написать: десять и дважды пять; тридцать раз по десяти и дважды пятьдесят; девять раз по десяти и дважды пять; и дважды три с двумя; восемьдесят раз по десяти и девять раз по девяти и дважды девять с одним; завершается ером. Четыре столпа и четыре приклада».

Вот загадку переписчик Ефросин загадал! Открыл Михаил Андреевич Книгу пророков, читать стал. Может, там какая хитрость заложена?

Княгиня несколько раз стучалась к Михаилу Андреевичу... «Не слышит или не хочет слышать?» Входить в покои без дозволения не в её правилах, да и муж не одобрит. Позвала ближайшего к князю боярина, друга юных лет его, князя Василия Ромодановского. С ним решила держать совет.

– Свет мой ясный, княгиня, – говорил Ромодановский. – Давно знаю Михаила Андреевича. Таким никогда его не видал. Поди, болен. Взор поверх голов наших направляет, как будто на небе кого ищет. В глазах блеск, на ланитах румянец. Похоже, лихорадка. Многие лета князю! Не взыщи. Но пора ему писать духовную грамоту. Дал клятву князь с целованием креста, что передаст удел свой государю. Не ровен час, с головой что скоится, каков ответ перед Великим князем Иоанном Васильевичем держать будем? Подумай о детках своих, о боярах верных, о служилых людях. Лют будет Великий князь, коли не найдёт завещания.

– Вот ты попробуй и скажи Михаилу Андреевичу. Меня он не послушает, – ответила княгиня. – А сейчас пойдём к столу.

Вот уж битый час ждёт двор Белозерского князя предводителя своего. Перепёлки да куропатки остыли давно, соленья да маринады не тронуты, куличи да кулебяки не поданы. Но не ропщет никто, беседу ведут бояре: кто об охоте, кто о рыбалке, кто о торговле, а кто о земельных наделах.

Не знал никто, что Михаил Андреевич давно за дверью стоит, в гомон застольный вслушивается. Но вот пробил час, вошёл князь, стихли разговоры.

Михаил Андреевич нетвёрдой походкой подошёл к креслу, поцеловал в щёку княгиню и сел рядом. «Что-то нездоровится мне, Елена». Взглянула Елена – бледен князь. Сжала руку его. Тишина наступила. Иоанн, священник княжеский, прочёл молитву. Ромодановский провозгласил за здравную. Снова зашумели бояре, началось застолье долгожданное.

– Стойте, – князь Белозерский поднялся. – Я тут за дверью стоял, беседы ваши слушал. О лесе, о рыбе, об угодах, о хлебе вы говорили. Никто о душе. Никто о государе Иоанне Васильевиче. Никто о здравии князя своего.

– Что ты, князь Михаил Андреевич, – зароптали бояре. – Денно и ночью о делах твоих вспоминаем.

– А о самовластии души задумался кто? – Переглянулись бояре. Никогда таких речей от князя не слыхивали. Отец Иоанн нахмурился. Никак в толк не возьмёт, куда клонит беседу Михаил Андреевич. О каком самовластии речь? И от кого оно, самовластие? От Великого князя? От Бога?

– Мы, Михаил Андреевич, глупы, книг мудрёных не читаем, – разрядил обстановку боярин Нащокин, глава канцелярии Верейского и Белозерского двора, грузный краснолицый мордастый весельчак, балагур и жизнелюб, не раз замеченный князем в утаивании малых толик при сборе крестьянских податей.

– А зря, – Михаил Андреевич сел и за весь обед не проронил ни слова. Впрочем, не ел и не пил, сколько ни уговаривала его княгиня. Про себя же подумал: «Если такие будут заправлять государевыми делами, Москва ещё долго будет строиться. Нет, не попустит государь. Жёсток Иоанн Васильевич, куда там жёсток, жесток с обманщиками. Так, наверное, и нужно».

К вечеру позвал Ромодановского. С ним закрылись надолго.

Утром Михаил Андреевич показал княгине духовную грамоту, скреплённую личной печатью:

«Завещаю, что моя отчина, и чем меня благословил отец мой, и я благословил, дал эту свою отчину господину и государю Великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси...» – На глаза княгини, как пелена упала. С большим трудом читала она дальше: «Да чтобы господин мой князь великий пожаловал: и после моей кончины судов моих не посудил... и что мои люди, кого чем пожаловал жалованьем и деревнями, государь бы мой князь великий моего жалованья не порушил, чтобы мои люди после кончины моей не заплакали».

Дочитав завещание до конца, княгиня не выдержала и зарыдала.

Обняв жену, Михаил Андреевич проронил слова, которые запали ей в душу до конца дней, в то же время оставаясь вечной загадкой:

– Я, Елена, долго думал. Все беды из-за тщеславия нашего. Все князьями мнят себя Великими. Все хотят быть с уделами. Я сейчас только понял: один должен быть удел. У Великого князя. И только старшему сыну обещан. Тогда только сильна Москва будет. А ты не тревожься, есть Божий суд и самовластие души: одно из другого прорастает. С тем и уйду!

Княгиня всплакнула. Знала, как рассуждали её предки, и верила им, а не Михаилу Андреевичу, внезапное прозрение которого пугало её сильно. Одно понимала, чисто по-женски: скоро останется одна, без опоры мужчиной, и как жить дальше – не знала.

Ещё неделю Михаил Андреевич читал Четвероевангелие, подаренное ему Иоанном Васильевичем с десятков годков назад. Потом слёг, видимо, ослабленный поездкой на Бело озеро, раздумьями и сомнениями.

На исповеди сказал: «Знаю, кто написал Лаодикийское послание».

Слова эти никто не понял: ни Иоанн, духовник княжеский, ни жена, Елена, ни князь Василий, друг юных лет.

Близким запомнилась улыбка, с которой он уходил...

Дело третье. Заморские гости. С кем дружить?

С утра голова у Курицына болела думой о турках...

Прав батюшка, нужно дружбу водить с басурманами. Велика держава их: от Чёрного до Индийского моря-океана простирается. У нас только Белое студёное, льдами большей частью покрытое, далеко не уплывёшь. И то, тесно туркам. Перешли Босфор, принялись за христианские государства. Словно река, вышедшая из берегов, сметают всё на пути, империи рушат.

Пали греки, албанцы, болгары, сербы, хорваты. Уже венецианские города к рукам прибирают, к папе римскому подбираются.

– Что тут планы какого-то дьяка? – думал о себе в третьем лице Курицын. Первому из русских ему удалось увидеть эту адскую силу. Почитай, два года прошло, а всё не может забыть, как это было.

...Внезапно они явились, словно призраки в заснеженной степи, – белые всадники на белых конях, с копьями на перевес, с саблями над головой. Не литовцы... те одеты как рыцари... И с молодцами Менгли Гирея не схожи – у татар лошадёнки поменьше и крику много.

Эти же молча налетели, саблями машут, глазами вращают. Так страшнее ещё. «Турки», – успел шепнуть возница. Достал Курицын охранную грамоту – не ждал, что поможет – на всякий случай. Помогло. Радостно зацокали, мол, знатную персону ухватили. Развернули обоз, к себе повезли, в Белую крепость, на берег Чёрного моря...

Начальник крепости сразу допрос учинил: куда направляются и зачем, и что за люди, и почему без разрешения по турецкой земле едут? Объяснил Курицын, что посол он московский и из Венгрии домой возвращается. А что земля эта турецкая – не знал. Раньше она молдавской была и на проезд по ней грамота имеется. Турок разрешение на проезд из рук вырвал, разорвал на клочки, и молвил: «В оковы не заковывать до выяснения подлинности особы». Грамоту же охранную государя московского отправил в Константинополь – в канцелярию Великого, Непобедимого и Справедливого Баязета Второго – султана Высокого Османского Государства.

Курицын и рад был заточению... Солома под ногами, железное кольцо в стене, коим узников заковывают, цепь, слава Богу, пока в стороне; острая похлёбка чечевичная да тусклый свет из узкой щели, сделанной вместо окна в толстенной стене, сырость да мгла – что ещё нужно, чтобы стать философом. Думано – передумано много... Жизнь в Буде при дворе короля Матфея казалась далёкой, хоть убыли из Венгрии не так давно. Помнил лишь книги, прочитанные в королевской библиотеке, да рассказы немецких купцов о Дракуле. Четырнадцать годков просидел в темнице валашский господарь, а выпустил его король Матфей – за год свою смерть нашёл. Не мог Курицын в Венгрии всей правды узнать. Не любили там Дракулу. А здесь в стане турецком, где Дракулу главным врагом султана почитали, правда и открылась.

Приставил начальник крепости стража нового, который при допросе слова Курицына переводил. Михай – молдаванин его звали, у Дракулы служил, когда тот из Венгрии воротился. Рассказывал сей молдаванин разные истории о своём господине.

История первая

– Был в земле его источник и колодец, и сходились к тому колодцу и источнику со всех сторон дороги, и множество людей приходило пить воду из того колодца, ибо была она холодна и приятна на вкус. Дракула же возле того колодца, хотя он в безлюдном месте, поставил золотую

чашу дивной красоты, чтобы всякий, кто захочет пить, пил из той чаши и ставил её на место, и сколько времени прошло – никто не посмел украсть ту чашу.

История вторая

– Однажды прибыл из Венгерской земли купец. И, как принято было у Дракулы, оставил воз свой на городской улице перед домом, а товар свой – на возу, а сам лёг спать в доме. И кто-то украл с воза 160 золотых дукатов. Купец, придя к Дракуле, поведал ему о пропаже. Дракула же отвечал: «Иди. Этой же ночью найдёшь своё золото». И приказал по всему городу искать вора, пригрозив: «Если не найдёте преступника, весь город погублю». И велел той же ночью положить на воз своё золото и добавить лишний дукат. Купец же наутро встал, обнаружил золото и пересчитал его и раз, и другой. И увидел, что один дукат лишний, и, придя к Дракуле, сказал: «Государь, нашёл я золото, но один дукат не мой – лишний». В это время привели и вора с похищенным золотом. И сказал Дракула купцу: «Иди с миром! Если бы не сказал мне о лишнем дукате, посадил бы тебя на кол вместе с этим вором».

История третья

– Однажды объявил Дракула по всей земле своей, пусть придут к нему все, кто стар или немощен, или болен чем, или беден. И собралось к нему бесчисленное множество нищих и бродяг, ожидая от него щедрой милостыни. Он же велел собрать всех их в построенных для них хоромах и велел принести им как можно больше еды и вина – они же пировали вовсю и веселились. Дракула же сам к ним пришёл и спросил: «Чего ещё хотите?» Они же все отвечали: «Это ведомо Богу, государь, и тебе: на что тебя Бог наставит». Он же спросил их: «А хотите, чтобы сделал вас счастливыми на этом свете, и не в чём не будете нуждаться?» Они же, ожидая от него великих благодеяний, закричали разом: «Хотим, государь!» А Дракула приказал запечатать хоромы и поджечь их, и сгорели все те люди. И сказал Дракула боярам своим: «Знайте, почему я сделал так: во-первых, пусть не докучают людям и не будет нищих в моей земле, а будут все богаты; во-вторых, я и их самих освободил: пусть не страдает никто из них на этом свете от нищеты или болезней».

Ещё сказывал страж, как погиб господин его.

Наблюдал Дракула с холма битву войска своего с турками – в тот момент его копьями в спину сразили. Свои убили, бояре. На сторону султана переметнуться решили. Господарем стал Влад-монах, младший брат Дракулы. Ему и служит теперь страж Михай. А здесь потому оказался, что валахи после смерти Дракулы на сторону султана встали и год назад Белую крепость у братьев своих, молдаван, вместе с турками отбили.

...Долго текли дни в Аккермане – так турки Белую крепость прозвали. Затерялась депеша начальника крепости в султанских хоромах. Полгода прошло – никакого ответа. Сидеть бы у турок до конца дней, кабы не Михай. Передал он брату своему, что Курицын с посольством в Аккермане взаперти сидит. Тот Стефану Великому донёс, Стефан – королю Матфею, Матфей – государю Московскому. Государь призадумался. Нарушились планы его. Велел он Курицыну в Венгрии гостей заморских дожидаться, коих из итальянских городов выписал. Просил государь для приглашённых мастеров новую дорогу опробовать. Через дружеские Венгрию и Молдавию, кордоны литовские в стороне оставляя, в Крым к хану Менгли Гирею – он в союзе с Москвией,

мешать не станет – а дальше через Дон степями бескрайними вдоль Волги-матушки в самое сердце княжества Московского. Через Ливонию беспокойно стало, держат в магистрате Ревеля и послов, и гостей заморских, не глядя на грамоты Иоанна Васильевича.

Всё сломали басурманы! Стоит работа в Кремле, стены разобрали – возводить некому, башни новые ставить надо, да и палаты великокняжеские поизносились.

А король Матфей, как узнал о невзгодах курицынских, долго не думал, написал письмо султану: просил освободить Курицына. Султан у Менгли Гирея справился. Крымский хан подтвердил: «дружбу с Москвой водим, освободи Великий, Непобедимый и Справедливый Баязет посла московского». Не прошло и трёх месяцев, освободил Великий, Непобедимый и Справедливый Курицына, а через слуг передал дьяку в дорогу слова свои: «Если брат наш, Менгли Гирей дружбу с Москвой водит, то и мы могли бы».

...Вот и думал Курицын по прошествию двух лет. Почему турецкое дело на месте стоит? Отправил государь Баязету грамоту свою. Тот в ответ посла, да литовцы в Смоленске его задержали и обратно воротили. Зря Иоанн Васильевич медлит. Путь для заморских гостей по Чёрному морю невозможен стал. Турки Босфор перекрыли, корабли венецианские не пропускают. Захирела торговля наша.

Как подступиться к государю, не знал Курицын. Не заводил Иоанн Васильевич разговора о турках. С Венгрией дело хотел справить. Велел дьяку с послом венгерским говорить, да вновь просить Матфея прислать мастеров каменных дел стены строить, палаты да церкви возводить.

Решил Курицын на хитрость пойти. Написать Великому князю донесение о том, как устроена Белая крепость, что Аккерманом теперь зовётся. Любил Великий князь чертежи разные изучать о крепостях и о палатах каменных. Глядишь, и разговор о турках завяжется. Тут Курицын и «восточный прожект» подкинет.

Описание крепости Аккерманской, для Великого князя и государя всея Руси Иоанна Васильевича рабом Федькой Курицыным самолично сделанное

– А крепость сия – огромный город, из четырёх дворов состоит, стенами высокими обнесена, одна из них в море глядит.

Двор первый. Въезд через ворота главные по мосту подъёмному. Там жилые дома, кузня, гончарная мастерская, склады с провиантом и запасом воды. В центре двора – торговые ряды. Ярмарка. Чего только нет: персидские ковры, турецкие сладости, венецианская посуда, молдавский виноград и яблоки.

Двор второй. В него попадаешь из первого. Здесь гарнизон крепости стоит...

Оба двора стенами отгорожены от третьего – самого малого.

Двор третий. По углам четыре башни стоят. Называют замком генуэзским. Генуэзцы для защиты купцов своих его строили. В одной башне, что на скале над морем – казна. Охраняема денно и ночью. Она куртиной соединена со второй – в ней темница. Ещё одна – у моря, потаённый ход имеет из крепости. Перед нею четвёртая башня – в ней начальник крепости сидит. Она самая укреплённая, с бойницами для пушек и ружей. И стены имеет самые толстые – в несколько сажень.

Двор четвёртый. Корабельный. Рядом с замком генуэзским соседствует, выход потаённый к морю имеет. Здесь живут моряки да купцы турецкие. За стеной у пристани корабли генуэзские стоят, купцами брошенные. Как перекрыли турки проход в Чёрное море, так и остались стоять без хозяев.

В конце Курицын приписал: «Крепость сию на бумаге отобразил не потехи ради, а для пользы государя Князя Великого Иоанна Василевича».

Донесение своё вручил постельничему – самый верный способ попасться на ясные очи государя, от себя же на словах добавил: «Дело сие не терпит промедления». Иоанн Васильевич не заставил себя долго ждать. На следующий день ясные очи – у государя они были ярко-голубого цвета – внимательно смотрели в глаза Курицыну. Взгляд этот был не иначе как магнетическим – бояре в гостиной зале решительно от него уклонялись, а уж, когда на ком остановится – считал тот концом света. За одно и то же содеянное всего можно было ждать: и награды, и опалы. Девки, особливо те, что незамужем, или, наоборот, на сносях, падали от него в обморок.

Курицын не из робких был – и то холодок по душе пробежал. Может, раскусил государь тайное намерение его, а если так, то как отнестся к нему? Ведь Великая княгиня из гречанок, а греков турки первыми притеснять стали, да так, что ещё в малолетстве Софья родителей лишилась.

Но государь неожиданно для дьяка заговорил о другом.

– Как мой наказ? Говорил с Климентом, послом венгерским?

– Говорил господин-государь, – отвечивал Курицын.

– И как?

– Всё, что велел господин-государь, послу передал: и не только на словах – письмом сопроводил. Мастеров каменных дел затребовал для крепостей, церквей и палат, а также иных умельцев – пушечных, рудных промыслов, искусных делателей кубков и кухонной утвари.

– А почему Климент отказал взять с собой в Венгрию посла нашего и сказал ему отдельно ехать? – Взгляд государя словно просверлил в груди Курицына большую дыру. Боли и страха дьяк не почувствовал, но сердце забилося учащённо, мысли в голове закрутились, заработали сильнее. Одно оставалось – выбрать из них самую верную.

– Думаю, при дворе короля многое изменилось, – начал Курицын, а дальше пошло-поехало, как по писанному. – В тесном кольце земля Матфея. Да и Венгрия – не Московия: нет у них простора нашего. С юга – орда и турки, с востока – Польша с Литвой. С севера и запада империя германской нации. Сдаётся мне, клонят Матфея бояре венгерские к союзу с королём польским Казимиром. А коли у нас война с литовцами, то и не хочет Климент судьбу испытывать.

– Да..., прав ты Фёдор. Почуял и я неладное. Но сие от нас не зависит. Бог судия брату нашему Матфею. – Иоанн Васильевич перекрестился. – Посмотрим, куда судьба нас выведет.

Взгляд государя затуманился и переместился в угол комнаты, где висели образа. Сердце курицынское забилося привольнее, но страх в глубине души не прошёл. Сомнения терзали его. Главное было, отрицать при всяк случае любой намёк о пользе дружбы с турками, а бить только на ценность турецкой крепости для обороны от неприятеля. Не мешало бы такую на границе с Ливонией поставить.

– А рисунок, который ты сделал, Фёдор, Антон Фрязин, что был с тобой в турецком полоне, давно мне дал. Мы и башню воздвигли Тайницкую, с ходом подземным на Москву-реку, как в Белой крепости было устроено.

Слова эти государь говорил как бы между прочим, не придавая им никакого значения, и смотрел не в глаза Курицыну, а куда-то в сторону, что было ещё опаснее. «Пострадать ни за что, при верной службе и любви к государю – что может быть ужаснее!»

Небольшую заминку, непонятно чем чреватую для посольского дьяка, прервал осторожный стук в дверь. В проёме появилась кудрявая голова постельничего Бобра.

– Братец пожаловал, Андрей Углицкий.

Курицын, воспользовавшись предложением, подался было к двери.

– Прости. – Иоанн Васильевич удобнее устроился в кресле и придвинул к себе столик с чернилами, гусиными перьями и печатью. Курицыну показалась, что государь уже ждал брата, и приход его не был для него новостью.

– А ты останься, Фёдор, я ведь не опускал тебя.

Андрей Углицкий, именовавшийся Большим, что отличало его от младшего брата – Андрея Меньшого, – а по прозвищу Горяй, что говорило о горячем нраве его, был необычайно взволнован. Сложные отношения возникли между ним и Иоанном Васильевичем. Не делился Великий князь с младшим братом ни земелькой от уделов ушедших из жизни родственников, как было принято давно, ещё со времён прапрадедушки его – Ивана Калиты, ни добычей, нажитой совместными военными подвигами, а было их множество – от стояния против царевича Ахмата на реке Угре, до новгородского, тверского и казанского походов.

Не стеснялся Андрей Углицкий спорить со старшим батом, всегда отстаивал права свои. Но вот умерла матушка, мирившая братьев, и время наступило тревожное. Тучи стали сгущаться над Андреем.

– Верный боярин сообщил, что хочешь ты меня в оковы заковать.

Андрей Большой сделал паузу. Он увидел, что не один находится в покоях старшего брата и глазами указал на Курицына.

– Это Фёдор Курицын, посольский дьяк, – Иоанн Васильевич кивнул в сторону дьяка. – Можешь говорить при нём, я всё ему доверяю.

Подивился Андрей Большой решению Иоанна Васильевича да пыл свой горячий поумерил. Узнав на днях страшную для себя новость, он бросился в Москву, пытался выяснить причину возможной опалы у князя Патрикеева, но тот как воды в рот набрал. Тогда Андрей решился испросить напрямую у брата. И вот теперь должен он говорить о делах семейных при постороннем человеке.

– Государь, в чём повинен я? Скажи прямо, был разговор, о котором мне поведали?

Непростая тишина воцарилась в великокняжеских покоях.

– И был, и не был, – ответил Иоанн Васильевич, замывшись. – Это боярин мой в шутку сказал. Я же отвечал ему, чтобы не шутил так более. В чём провинка твоя? Ты Углич отстроил. Церкви каменные поставил, монастыри воздвиг. Богоугодными делами занимаешься. Хочешь, клятву тебе немедля дам, что ничего супротив тебя не готовил.

Иоанн Васильевич взял в руки перо и застрочил скоро по бумаге: «Клянусь небом и землёй и Богом сильным Творцом всея твари, что и в мыслях у меня того не было». И приложил печать, на которой был изображён ангел, надевающий венки на стоящего перед ним человека.

– Иль не веришь? – вопрошал Великий князь, когда брат прочитал поданную ему бумагу. По обычаю, клятвы завершались целованием креста при священнике. Тут же в бумаге и небо, и земля, и Бог-Творец – мешанина, схожая с ересью, а вместо священника – посольский дьяк. Андрей Большой призадумался, но делать было нечего.

– Верю, – ответил он и обнял брата.

– Верь, мне верь, – радостно заговорил Иоанн Васильевич. – Трое нас в этой жизни осталось: ты, я да Борис. В мире мы жить должны. Да, были негаразды. К Литве ты хотел примкнуть. И я не всегда справедлив к тебе, знаю. Давай скажем, как раньше, когда детками малыми были, да при батюшке родном жили: «Кто старое помянет, тому глаз вон».

Сядь, Андрей, расскажи новости свои. Говорят, ты палаты каменные воздвиг. Пора и мне, давно Софья просит. Сказывают, старца завёл праведного, Кассиана, у которого учишься. Хорошо это. У каждого должен быть учитель. У меня нет такого, одному о всех думать надо.

Долго ещё говорили. Уже слуга приходил от царевны Софьи, звать Иоанна Васильевича к трапезе, холоп зажёл свечи в серебряных подсвечниках, колокола Успенского собора пробили к вечерней молитве. Курицын стоял ни живой, ни мёртвый, ног под собой не чувствовал. Тайны

великокняжеские не хотел он знать, а пришлось, по прихоти господина его. Зачем это было нужно государю? В какую игру заставил играть его венценосный?

– Да, чуть не забыл, – молвил Иоанн Васильевич, отпуская Курицына. – Тебя, Фёдор Васильевич, хочет видеть жёнка моя. Приходи в воскресенье по полудню к её двору, будут греки да гости заморские. Ты, чай, давно книг латинских и греческих не читал. У Великой княгини велика любовь к книжникам.

И тут Курицына удивил государь... То кличками своих поданных снабдит: кого «Гвоздём» назовёт, кого «Тушей», то уменьшительными именами осчастливит: «Ивашки», «Степашки», да «Васьки» за честь уже почитают так называться – лишь бы на глазах у венценосца быть. А тут – «Фёдор Васильевич». Никак в толк не возьмёт дьяк учтивости такой. Однако больше всего озадачило приглашение прийти ко двору царевны Софьи. Там по слухам люди все учёные: кто в дворцовых интригах силён, кто в книжных знаниях, а есть и такие, что в «музыках» славу приобрели. Промашку нельзя давать в компании такой. «Одним словом, из огня, да в полымя», – подумал Курицын и вышел из государственной светлицы.

Ночь была лунная. Свет небесного светила, отражаясь от позолоченных церковных куполов, превращался в серебряную дорожку, которая вела прямо к Троицким воротам, от которых и до палат курицынских рукой подать. Главное, держаться её, не сбиться в сторону – итальянские мастера, строители кремлёвских стен, башен и соборов, нарыли канав всяческих, да камней набросали – недалеко и шею сломать.

«Неужто высоко взлечу?», – подумал государев дьяк, подходя к дому. – «Кабы крылья не обломали!». О беседе государя с братом, Андреем Углицким велел себе накрепко забыть. Встреча с царевной Софьей больше занимала государева дьяка. На то причина была. Чувствовал дьяк, интерес Софьи неслучаен, а причины не знал.

В ночь перед походом к царевне Софье Курицыну не спалось. Иисусову молитву читал, в арифметическом счёте упражнялся, не помогало. Рано поутру дьяк поднялся и тихонько на цыпочках, чтобы не разбудить ближних, вышел из дому. Прошёлся по Арбату. Собаки встретили его дружным лаем. За зелёными заборами звонко падали спелые яблоки и тихо кружилась первая увядающая листва. Незаметно для себя дьяк подошёл к кремлёвским воротам. За ними в палатах патрикеевских еле слышно плакал ребёнок.

Странно, но в воскресный день и раннее утро на кремлёвских площадях слышался гул мастерового люда.

Туда-сюда сновали подводы с кирпичом и брёвнами, будто с небес доносился стук молотков плотников, возводивших строительные леса для высоченных соборов, рядом звучали команды артельщиков, разбиравших старые постройки. Вперемежку с русской слышалась итальянская, немецкая, сербская и болгарская речь. Этот людской муравейник казался Курицыну живой картинкой, олицетворяющей библейское сказание о Вавилонской башне.

Среди многоголосия, царившего возле Благовещенского собора, дьяк явно различал новгородское и псковское цоканье, поволжское полнозвучное оканье и протяжную мелодичность вологодского говора.

– Эй, Мишка, раствор подавай, – кричал с помоста седобородый верзила в кожаном фартуке. Рядом с ним ещё один мастеровой, румяный кудрявый парень постукивал молотком по красным, цвета спелой вишни, кирпичам с нового кирпичного завода, устроенного итальянцем Аристотелем Фиораванти недалеко от Андроникова монастыря. У всех в памяти были события пятнадцатилетней давности, когда псковитяне построили взамен деревянного каменный Успенский собор, и он развалился на глазах у всех – подвело качество кирпича и раствора. Тогда царевна Софья, привыкшая к каменным постройкам Рима и греческой Мореи, сподобила Иоанна Васильевича выписать итальянских мастеров. Так что, Успенский собор уже ломбардец Фиораванти возводил. Сказывают, во Владимир ездил на русские храмы смотреть.

Хорошо сработал итальянец. Всем хороша церковь: высока, светла, вельми красива. А подряд на домовую церковь Благовещения государь всё же псковитянам дал, не вышли те из доверия.

От церкви Благовещения перешёл Курицын к Успенскому собору. За ним итальянские мастера Антон и Марк Фрязины новую палату возводили – для пиров и встреч с заморскими послами. Нарекли её Грановитой. Работали споро и слаженно. Не угнаться за ними псковитянам, решил Курицын. Однако время идти к царевне Софье. Колокол на Успенском соборе пробил двенадцать.

О Софье говорили разное. Кто послом папы Римского её называл. – «Унию с католиками приехала готовить», – говорили доброхоты в память о Флорентийской унии, подписанной византийцами с латинянами незадолго до гибели Царьграда. Кто ревнительницей православия нарекал. – Поминали, как легата папского поставила на место сразу по приезде в Москву: «Не пустила латинского попа с крестом своим в наш храм на венчание».

В одном мнении сходились: это уж точно не была Софья красавицей, особенно в сравнении с русскими девицами. Один стихотворец латинский писал своему господину Лоренцо Медичи Великолепному о встрече с ней:

«Я тебе кратко расскажу об этом куполе, или, вернее, об этой горе сала, которую мы посетили. Право, я думаю, что такой больше не сыскать, ни в Германии, ни в Сардинии. Мы вошли в комнату, где сидела эта женщина. Ей есть на чём посидеть... Представь на груди два большие литавры, ужасный подбородок, огромное лицо, пару свиных щёк и шею, погружённую в груди. Два её глаза стоят четырёх. Они защищены такими бровями и таким количеством сала, что плотины реки уступят этой защите. Я не думаю, чтобы ноги её были похожи на ноги Джулио Тощего. Я никогда не видел ничего настолько жирного, мягкого, болезненного, наконец, такого смешного, как эта необычайная. После нашего визита я всю ночь бредил горами масла, жира и сала, булок и другими отвратительными вещами».

Софья уж восемнадцатый год, как живёт в Москве, да, говорят, всё никак не привыкнет к деревянным избам московским, к улицам, не камнем мощённым, а рытвинами да ухабами обустроенными, к длиннобородым боярам в длинных скуфьях до полу.

А к холодам российским как привыкнуть? Кутается Софья в меха соболиные, целыми днями велит топить в покоях своих. Жара стоит такая, что и в баньке не нужно париться.

И бояре московские к Софье никак не привыкнут. Ропщут промеж собой, что кичится гречанка древним родом своим, велит величать себя царевной цареградской, а не Великой княгиней московской. Ненароком увидали, что и письма она подписывает не иначе, как «цареградская царевна Софья». А какая царевна, коль замужем за государем и восемь деток от него имеет!

Чует Софья недружелюбие, потому и не знается с боярами. Свой двор при покоях имеет. А почему государева дьяка затребовала, тут загадка, которую ни один боярин не отгадает.

– Знатная компания, – прошептал Курицын, входя в великокняжеские покои. Трижды поклонившись гостям и подойдя к Софье, он поцеловал пухлую руку царевны.

В просторной гостиной, где в красном углу висели образа, а на стенах – картины итальянских мастеров, за большим круглым столом сидели заморские люди. Не в пример московской моде, к злату и мехам привыкшей, – в кожаных камзолах, в узких штанах, в сапожки сафьяновые заправленных; бородёнки – аккуратные, востренькие, усы – выщипанные тоненькие, да волосы локонами до плеч. Ни дать, ни взять – двор короля Матфея. Не хватало только девиц, играющих на лютне. Но, сказывают, царевна заказала в Риме мастера чудной музыки, издающей звуки, в многоголосицу воплощённые, – не на лютню, ни на гусли не схожую – органом зовётся. И библиотеку Софья привезла такую, что и Матфей позавидовать мог, хотя его «сокровищница» считалась лучшей после собрания книг папы Римского.

Разговор шёл особый. Царевна, сидевшая в центре в высоком, наподобие трона, кресле, иногда прерывала шитьё, которым занималась ежечасно, и вставляла фразы то на греческом,

то на итальянском языке. Курицыну греческий был понятнее, множество книг на нём читано: Библия, послания апостолов и даже труды философа Аристотеля. С итальянским оказалось сложнее, но тут помогло знание латинского языка, от которого жители итальянских городов далеко ушли, но всё же кое-что можно было уразуметь. Речь за столом шла о строительстве Кремля и о поездках московских послов в итальянские города.

– Помощь нужна, царевна, не успеваем мы, – жаловался Софье тощий итальянец в зелёном камзоле с золотыми пуговицами и белом кружевном воротом. – Не успеваю чертежи для каменщиков готовить. Потому и стоят две башни неоконченные. Иоанн Васильевич спрашивает, когда готовы будут, а что отвечать.

– Я ведь не корю тебя, Марко, потерпи, будет тебе помощь, – отвечала Софья мастеру каменных дел Марко Руффо, прозванному в Москве Марком Фрязиным. – Знаю, любишь ты строить крепости, но палата для встречи заморских гостей очень нужна нам. После закончишь и башни, и крепостные стены. Наш брат Андреас пишет из Рима, что послы мужа моего Дмитрий и Михаил нашли в Медиолане архитектора Пьетро Антонио Солари. Он согласен строить в Москве каменные палаты, дворцы и церкви. Говорят, и фигуры каменные может слепить. Много дел ты затеял. Вижу, дня не хватает. Но сам знаешь, найти хорошего мастера и уговорить его приехать в холодную Московию не так-то просто. Да и путь из Рима в Москву, полгода занимает, а, может, и больше, если ливонцы в Ревеле задержат.

Слова Софьи лились легко, свободно и ритмично, как песня. Мелодичный красивый голос магически обволакивал каждого слушателя и как-то не вязался с её пышными формами, скрывавшимися в складках объёмного парчового платья. Широкому лицу царевны, обрамлённому «щёками-противнями», больше соответствовал бы высокий, может быть, даже писклявый голосок. Но Софья была царских кровей, от которых по наследству всё же немало досталось: высокий ум и красивый голос – это богатство помогало выжить в чужой для неё державе.

– Не только дня не хватает, но и ночи, царевна, – поддакивал Марко Руффо ещё один мастер – Антон Фрязин. Курицын хорошо знал его. Вместе приехали с посольством из Венгрии, вместе сидели взаперти у турок.

– Ценю, ценю твоё усердие, Антон. Тайницкую башню в Кремле знатно соорудил, – Софья сделала ещё два стежка в шитье. – Теперь мне послужи. Помогите мастеру Марко тайник устроить в Грановитой палате. Сотвори его в Верхних сенях, чтобы я с детками моими могла пиры лицезреть да приёмы послов заморских. Пора старшенького моего, Василия, к премудростям государя готовить.

– Выполню, царевна, твой наказ, – мастер тайных дел Антон Фрязин услужливо склонил голову. – В стене секретный глазок устрою.

«Не рано ли Софья сына к правлению государством собралась готовить, – подумал Курицын. – Видишь на великокняжеский трон Иван Молодой имеет. Да и государь благоволил к Ивану, своему первенцу, сыну покойной княжны Тверской, первой жены своей. Всегда с собой рядом на пирах сажает, требует Ивана Молодого вместе с ним государем величать. Зачем Софья при мне такой разговор завела?»

Софья сделала ещё один стежок в пелене, которую готовила для Троицкого монастыря, и перевела взгляд на Курицына – его она посадила как раз напротив себя.

– Ты, Фёдор, почему не ешь, не пьёшь. Или к турецкой еде больше привык? Кормили-то как в Белой крепости?

Софья, как и большинство греков, прибывших в Москву, не смогла привыкнуть к твёрдому звуку «р» в конце слова и потому слегка картавила, когда произносила имя государева дьяка.

– Турки, царевна, в еде у Царьграда многое позаимствовали, – отвечал Курицын спокойным голосом, а мысль была только о том, что неслучайно Софья турок поминает. – Кормили

негусто, – продолжил он. – Слава Богу, не померли с голоду и мастера Антона целым и невредимым в Москву доставили.

Царевна ничего не ответила. Глянула в пустые чаши гостей и дважды хлопнула в ладоши.

– Принеси кипрского вина, – велела подбежавшему холопу. Истопнику приказала подбросить побольше поленьев в печь, обложенную изразцами с греческим орнаментом. И продолжила беседу с Курицыным, больше похожую на допрос подозреваемого.

– Мне монах Ефросин из Кириллова монастыря прислал новую книжицу о Дракуле. – Голос царевны звучал вполне миролюбиво.

Курицын удивлённо поднял глаза на Софью.

– Ту, что ты, Фёдор, давеча написал. Знала бы, что пером так владеешь, не просила бы Дмитрия Траханиота над книгами потеть: стар он стал, на отдых просится. А что Фёдор, Дракула турок сильно бивал? Не приврал ли ты в своей повести?

Видел Курицын: никак не хотела Софья уходить в сторону от турецкого вопроса.

– Правда, царевна, как и то, что преемники Дракулы в стовор с турками вступили, да с помощью измены жизни его лишили. С той поры султану дорога в немецкие земли открылась.

Короткая правильность ответов Курицына наскучила Софье, и она перевела разговор на другую тему, бросив взгляд на седовласого грека, занимавшего место по правую руку от неё. Это был философ и писатель Дмитрий Траханиот. Он, как и брат его, Юрий, сидящий по левую руку от Софьи, служил ещё её батюшке, морейскому деспоту Фоме, а отец их Мануил Траханиот Балоттес являлся видным сановником последнего цареградского императора Константина. Братья были самыми доверенными лицами при её дворе.

– Верные люди доносят нам, – обратилась Софья к Дмитрию Траханиоту, – что в Москве, как и в Новгороде, ересь завелась. Мужики и бабы о Библии прямо на улицах спорят, святую Троицу сомнению придают, в звёзды верят, к ворожейкам за советом ходят. И конца света не боятся, антихристы, а ведь близок семитысячный год, о котором в Библии сказано. Что скажешь, Дмитрий? Где сила слова твоего? Или перо гусиное притупилось?

Говорила всё это Софья греку, а краем глаза поглядывала на Курицына.

– Я, царевна, на заказ архиепископа новгородского Геннадия о конце света малую книжицу написал. Устрашаю чернь судным днём. За ересь все ответ держать будут.

– А ты как думаешь, Фёдор, будет конец света или нет?

Софья испытующе смотрела прямо в глаза дьяку.

– Я, Софья Фоминична, об этом не думал, делами обременён, – ушёл от ответа Курицын.

Софья иголку к шитью поднесла, да так и застыла с ней. Полные щёки её покрылись румянцем, губы слегка дрожали. Что позволяет себе этот дьяк? Почему не прибавил титул цареградской царевны?

– Дозволь, царевна поднять чашу вина за маэстро Аристотеля Фиораванти, – из-за стола поднялся Юрий Траханиот. Опытный царедворец нарушил неловкую для Софьи тишину. Двадцать лет назад он приезжал в Москву гонцом от папы Римского с предложением сватать царевну Софью за государя Московского. Теперь, возмужав, оценён не только царевной, но и великим мужем её, дававшим Юрию Траханиоту самые сложные дела посольские за границей вершить.

– Спасибо, Юрий. Чуть не забыла, – прошептала Софья и добавила уже громче. – Сегодня четыре года, как ушёл от нас славный Аристотель. Он в память о себе церковь Успения Божьей Матери оставил. Будет радовать она глаз и слух людей образом и словом Божиим.

Заморские гости разом поднялись и подняли полные вином чаши. Курицын облегчённо вздохнул. То, что он не назвал Софью царевной, зная, что это вызовет гнев её, было его уловкой. Уж больно не хотелось говорить о конце света. Не верил в него, а юлить, не смел. Вдруг знает о нём царевна что-то, о чём он сам не подозревает.

После поминания Аристотеля Фиораванти, первого итальянца, приехавшего в Москву по зову царевны Софьи, гости спешно засобирались. День был в разгаре, спешили итальянцы к соборам и стенам московского Кремля. В покоях остались только царедворцы-греки. Во след дьяку, в сенях заминувшемуся, донеслись слова Софьи. Говорила, видимо, с Дмитрием Траханиотом: «Владыка, письмо прислал. Говорит, знает начальствующего у еретиков. Сжечь бы это племя поганое, с корнем бы вырвать из земли Московской».

Уходил Курицын с тревогой на сердце... В раздумиях не заметил дьяк, что в толпе мастеровых и подмастерьев за ним продиралась внешне неказистая хромоногая фигура в чёрном облачении, сопровождавшая его вплоть до родимого очага.

Дело четвёртое. Еретики новгородские и московские

Ночь была чёрная, беспросветная... Верхушки кремлёвских соборов растворялись в крошечной тьме без остатка, так что кресты и купола составляли с небесным сводом единое целое – прочное, незыблемое и материальное – не пробиться через такую твердь ни ангелу, ни дьяволу, ни свету далёкой звезды. Только одно окошко во всём Кремле тускло мерцало, передавая трепетные колебания пламени тихо угасающей свечи, но и этот свет терялся уже на протяжении первых десяти саженей.

И Кремль, окружённый сплошной каменной оградой, превращался в непроницаемый чёрный купол – переверни его вверх дном, получится котёл, в котором, как в крестьянской печи, варятся силы добра и зла: и не отделить чёрного от белого, были от небыли, силы от бессилия, веры от неверия. А есть ли место в этом котле для человека мыслящего, сомневающегося и совестливого? Может ли кто-нибудь открыть его плотно прилегающую крышку и, выпустив порцию пара, уменьшить давление, которое испытывает на себе всяк в нём варящийся?

В митрополичьих палатах было натоплено. Погода в Москве ещё не устоялась, бесновалась природа: то в холод бросала, то в жар. Разговор вели двое.

– Проводил его до самого дома, – докладывал Владыке согбенный чернец.

Лицо его, покрытое глубокими отметинами-оспинами, напоминало перележавшую в тепле продолговатую тыкву.

– И что он? К протопопу Алексею в Успенский собор заходил?

Митрополит Зосима сидел на кровати в подряснике, он только что отслужил всенощную в церкви Ризоположения, которую ещё митрополит Иона заложил в Кремле наподобие константинопольской Влахернской церкви, хранившей ризу, пояс и покров Божьей Матери.

«Упрел весь. Недалеко и хворь отхватить. Благо, в Кремле всё рядом: и служба, и дом», – Владыка налил в чашу черёмуховой настойки, добавил две ложки мёду и размешал.

Чернец расстегнул ворот холщёвой рясы, большего не позволял устав, и вытер пот со лба краем рукава.

– Нет, Владыка, в Успенский не заходил.

– Странно, – митрополит Зосима сморщил и без того крохотный нос-пуговку. – С протопопом Алексеем дружен он. Должен был зайти и новостью поделиться. Царевна Софья сказывала при нём о ереси новгородской и о письме Владыки Геннадия. Говорят, и бровью не повёл.

Чернец беспомощно развёл руки.

– Ты скажи Феофил, в чём та ересь проявилась, о которой архиепископ Геннадий писал? Ты ведь у митрополита Геронтия в доверии был. Чай, много разговоров в митрополичьих палатах слышивал?

Феофил самодовольно усмехнулся. Слова Зосимы бальзамом вылились на благодатную почву.

– Не в Геронтии дело, Владыка. Ересь та, почитай, сто лет известна. Пришла на Русь с переводом книг библейских. Часть перевода с греческого языка сделана, часть с иудейского. В греческих книгах в пророчествах и псалмах о Господе нашем, Иисусе Христе, много сказано, в иудейских – ни слова. С того и началось. Новгородские книжники иудейскую Библию более древней считают, потому и правильной. Оттуда и неверие пошло. Гадания, предсказания по звёздам и прочая ересь – всё из книг иудейских.

– А Курицын? Когда замечен был в ереси? Когда тайник открыли, или раньше?

– Думаю, раньше. Ещё в прошлом году дьяк Самсонка под пытками Владыке Геннадию имя его открыл.

Беседа митрополита и чернеца перешла в такое русло, что со стороны могла показаться пристрастным допросом. Но Феофил так не думал. Во-первых, новый начальник его всего месяц как занял митрополичью кафедру. Во-вторых, важно ему было показать свои знания и закрепить в доверенных лицах при новой московской церковной власти.

– А скажи, Феофил, как всё же тайник князя Верейского и Белозерского открыли? Может, и не было никакого тайника? Просто шуму Владыка Геннадий захотел наделать, – Зосима отхлебнул из чаши добрую половину целебного напитка.

– Дело так было, – оживился Феофил. – Когда князь Михайло Андреевич помер, царствие ему небесное, наместник учредил всю рухлядь княжескую во двор снести, чтобы вдове отдать. Девка дворовая из шкафчика кафтан князя доставала, да локтем заднюю стенку задела – она и отворилась, за дверкой комната потаённая. В ней стол с бумагами и книжица малая – «Лаодикийское послание». Прочитали... В оной книжице еретические мысли о самовластии души. А в конце рукою князя приписано: «Книжицу сию Фёдор Курицын написал».

– Почём знаешь, что рукою князя? Может, и не он писал, – засомневался Зосима.

– Сверяли с духовной, которую князь перед смертью оставил. Его рукою писано, сомнения нет, – ответил чернец.

– А сверял-то кто?

– Духовник княжеский и наш человек, смотрящий за князем.

– Ну, тогда верю.

Зосима допил чашу с настойкой и удовлетворённо провёл рукой по окладистой бороде. Совсем недавно стал он митрополитом московским. Как раз протопоп Алексей из Успенского собора Кремля и шепнул о нём в нужную минуту на ухо Иоанну Васильевичу, когда помер митрополит Геронтий.

Не в ладах с государем был старый митрополит, перечил Иоанну Васильевичу почём зря, обвинял того в неугодных Богу делах. Не мог простить, что, одолев Великий Новгород, государь забрал себе не только земли новгородских бояр, но и кое-что из владений новгородской епархии, а это удар по церкви. Иоанн Васильевич, возьми, да с жару ещё и на Кирилло-Белозерский монастырь «глаз положил». Тут уж Геронтий сорвался, наговорил лишнего. Но с государем шутки плохи. Нашёл он против Геронтия лекарство. Во время крестного хода на освящении Успенского собора обвинил митрополита в незнании «церковной азбуки», мол, тот пошёл против движения солнца, а нужно наоборот. Так осерчал державный на Геронтия, что запретил тому освещать в Москве новые церкви. С трудом ссору уладили. Даже сын государя, Иван Иванович Молодой, в этом деле поучаствовал.

Не хотел Зосима по стопам предшественника пойти. Во всём с государем согласен был. Ну, разве что, когда касалось земли родимой, которая одна только была в цене у служителей Господа, – тогда увещевал полушёпотом, тишайшим послушником представал пред Великим князем. Не знал только, как поступать с любимцем Иоанна Васильевича – Фёдором Курицыным, никак в толк не мог взять, чем так дьяк смог государю угодить.

– Как бы мне «Лаодикийское послание» узреть? – Митрополит вопросительно посмотрел на чернеца.

– Почему бы не узреть, – Феофил залез под рясу через вырез на груди и долго шарил там рукой, пытаясь нащупать нужный предмет. Зосима, открыв от удивления рот, наблюдал за священнодействием чернеца с нескрываемым восхищением – так только зеваки смотрят представление скоморохов на площади в Китай-городе. Наконец Феофил вынул завернутый в тряпицу свёрток. В нём лежала тонкая книжица величиной с осьмушку. На титульном листе значилось: «Лаодикийское послание» для князя Михаила Андреевича переписал Ефросин 12 января 6994 года от сотворения мира».

Дальше шёл текст. Всего девять строчек. Но значили они больше, чем иной многотрудный том.

Зосима углубился в чтение. Феофил по губам его пытался определить, в каком месте находится в данный момент сановный читатель.

«Душа самовластна. Заграда ей вера.
Вера – наставление. Даётся пророком.
Пророк – старейшина. Направляется чудотворением.
Чудотворение – дар. Мудростью усилеет.
Мудрость – сила. Фарисейство – жительство.
Пророк – ему наука. Наука преблагенная.
От сего приходим в страх Божий.
Страх Божий – начало добродетели.
Сим вооружается душа».

– Ты сам-то читал? – Зосима опустил на чернеца долгий пронизательный взгляд.
– Вестимо, читал. Грамоте, чай, обучен, – Феофил потупил взор.
– Что скажешь? – испытующий взгляд митрополита пронзил чернеца насквозь.
– Ересь небывалая, – зачастил Феофил, как на исповеди. – Пророков чтит поболее Христа. О Евангелии молчит. Слово Божье ни во что не ставит. Только страхом вооружает. Вредная книжица.

– А как насчёт самовластия души?

Чего-то своего, непонятного для чернеца, добивался Зосима.

– Думаю, к бунту призывает. Супротив церкви и государя нашего, Великого князя Иоанна Васильевича. – Чернец истово перекрестился на образа.

– Экий ты, брат Феофил, скороспелый. Ещё яблоко не упало, а ты гниль подметил. Фёдор Курицын большое доверие у государя имеет. Не будет крамолу на себя брать. А самовластие, – митрополит задумался, – может, он не о своём самовластии говорит – о великокняжеском.

Феофил упрямо уставился в окошко, где отражалось пламя медленно тающей свечи. Похоже, он оставался при своем мнении. Вдруг лицо его исказилось.

– Что, что? – Зосима испуганно посмотрел в окно. Неожиданно, сквозь пламя, расплывающееся в отражении, он увидел нечто. Не то пригрезилось, не то, правда, через окно в комнату смотрел дьявол с кривым оскаленным зевом и небольшими серебряными рожами.

– Свят, свят вечер, – перекрестился Зосима. – Пречистая Богородица, спаси и сохрани, спаси и сохрани, помилуй нас.

Раздался стук в дверь. Зосима быстро спрятал книжицу под подушку – «Нешто расплата за чтение крамолы пришла?» – и в страхе взирает на дверной проем, в котором сначала показалась нога в валенке, потом край черного подола, и, наконец, в дверь просунулась румяная кудрявая рожа молодого парня со включенными волосами на макушке, посеребренными игольчатым инеем. Это в светлицу во всей красе ввалился монах, стороживший митрополичьи хоромы.

– Что случилось, Гермодонт? – Зосима облегченно вздохнул и ещё раз перекрестился. – Ну и напугал ты нас, окаянный.

– Не вели казнить, Владыка, – монах упал на колени. – Гонец из Великого Новгорода прибыл. Я говорю: «Почивает Владыка», а он свет в окошке заприметил, просит: «отдай срочное письмо архиепископа Геннадия». Я ему – «Почивает Владыка», он за своё... отдай письмо на ясные очи Владыки, отдай письмо на ясные очи Владыки... Нет сил моих от него отбиться.

– Вставай, братец, вставай, я уж не серчаю, – Зосима сделал попытку оторваться от постели, но мягкая перина не выпускала его из крепких объятий.

– Посланника владыки Геннадия обедом накорми и почивать отправь, – отдал указание Гермодонту. – А письмо дай почитаю.

Владыка развернул свиток и прочитал:

«Господину отцу моему, митрополиту Зосиме всея Руси, сын твой, архиепископ Великого Новгорода и Пскова владыка Геннадий челом бѣёт.

Удивило, господин мой, что прислал ко мне грамоту, где велишь дать тебе исповедь, которую просишь прислать к тебе гонцом моим. Неужто хочешь отдалить меня от Москвы, не желаешь, чтобы я увиделся с тобой, отцом своим и бил тебе челом. Зачем гонцов гонять из Москвы в Новгород по малым делам, если меня на соборы церковные не приглашаете и даже тебя, отца своего, не смог в митрополиты выбирать? А грамоту с исповедью уже давал я митрополиту Геронтию, и всему божественному собору церковному, когда был поставлен в Великий Новгород и Псков архиепископом, и исповедь та хранится у вас в казне.

Я как исповедался перед Богом и перед ангелами, так в том исповедании и теперь стою недвижимо. Ни в Литву не посылаю грамот, ни из Литвы ко мне не присылают. А что некоторые литовские дела окаянные происходят в Русской земле, в Великом Новгороде, в вотчине государя Великого князя, это пошло тогда, когда появился в Новгороде князь Михайло Олелькович, а с ним жидовин еретик по имени Схария, то от него распростерлась ересь по Новгородской земле. Держали ее еретики сначала тайно, а потом спьяну стали между собой пререкаться, кто из них главнее, и я, прослышав о том, послал грамоту к Великому князю и к отцу его, митрополиту Геронтию. Князь Великий прислал ко мне грамоту, и велел побеспокоиться, чтобы это лихо по земле не распростерлось. Устроил я обыск тех еретиков: попа Григория с сыном дьяком Самсонкой, попа Герасима и Гридю дьяка Борисоглебского, и выдали они покровителей своих, да сбежали окаянные в Москву. Послал я список обыска Великому князю, другой – митрополиту Геронтию. Учинили в Москве над ними казнь гражданскую, да ко мне отправили, и велел Великий князь обыскивать их крепко с боярами своими Яковом и с Юрием Захарычами. Митрополит Геронтий свою грамоту прислал и велел крепко обыскать, и так сотворить: кто покается, то милости будет достоин, а которые не покаются, послать к Якову и Юрию Захарычам, и они казнят их гражданской казнью. Так и положил я сделать, и казнью казнили не покающихся, как сказано в «Апостоле»: «Согрешающего перед всеми обличай, да и прочие страх возымеют».

Еще послал я грамоты Великому князю и митрополиту, просил обличить еретиков, в Москве схоронившихся, но ответа не получил.

А тебе о том пишу, что ты архимандритом Симонова монастыря был, и ведать не ведал о еретиках новгородских, хулу не токмо на Христа возводящих, но и на Царицу Небесную Пречистую Богородицу. А ересь та в Москву перешла и стала та беда в Москве, когда Курицын из Угорские земли приехал, и сбежали к нему те еретики. О том, что протопоп Алексей, да Истома, да Сверчок, да поп Денис приходили к Курицыну и иные еретики, писал я грамоту митрополиту Геронтию. Курицын у них главный покровитель, а о делах государевых заботы совсем не имеет».

Пот градом катится с лица Владыки, красные щеки, что те меха кузнечные раздуваются. Не видел еще таким Феофил господина своего.

– Не могу, – прохрипел Зосима. – Замучил Геннадий. Все пишет, пишет, и много еще писать будет. Аки лев на всех бросается. Ни Князю Великому, господину нашему, спуска не дает, ни покойному митрополиту Геронтию.

Мало ему ересь обличать, так говорит, Великий князь могилы да старые монастыри в Кремле рушит, на их месте сады разводит. И Моисея во Втором Законе в назидание поминает: «Да не насади себе садов, ни дерева, возле требника Господа Бога твоего».

– Вот почитай, – Зосима протянул свиток Феофилу.

Феофил прочитал, слегка запинаясь от волнения:

«А господин наш, отец Геронтий, митрополит о том не воспретил, за то будет держать ответ перед Богом, а гробокопателям какова казнь? Писано, что будет воскресение из мертвых, не велено упокоенных в земле с места двигать, кроме тех великих святых, коих Бог прославил чудесами».

Зосима едва дождался, пока Феофил сделал короткую паузу.

– Зачем Геннадий Владыку Геронтия в письме так ославил?

– Воевали они между собой, – Феофил криво усмехнулся. – Отомстил Геннадий. Просил он Геронтия еретиков московских наказать, а тот дело замял. И отец наш, митрополит Геронтий, обиду держал на Геннадия. Тот сторону Великого князя принял, когда спор в Успенском соборе вышел: как крестному ходу идти – по ходу солнца или супротив.

– Ладно, потом дочитаешь, – Зосима вырвал письмо из рук Феофила. – Чует мое сердце, на меня будет Великому князю писать. Нет мне покоя от того праведника. На след Курицына хочет вывести. Вижу это непреклонно, хотя другими жалобами пытается дело обставить так, будто не это главное. А ересь та, может, не ересь вовсе. Помозговать нужно, в чем первопричина ее.

– Что делать будем, Владыка? – глаза Феофила округлились, оспины на лице зарделись красным пламенем – уже голова его не тыква переспелая, а шар огненный.

Зосима прилег на кровать, прикрыв лицо Геннадиевым свитком.

– За Курицыным смотреть будем... И за Геннадием. Поставь людей верных. Тебе нельзя. Слишком делами проникаешься и заметен изрядно. Ишь, голова, что гиена огненная.

Последние слова Владыка произнес, засыпая. Легкий храп митрополита благотворно подействовал на Феофила, голова его поостыла и приняла первоначальный вид. Чернец подошёл к кровати и поцеловал руку Владыки. Тот дернулся во сне, отмахиваясь от чернеца, как от назойливой мухи.

Перекрестившись и отбивая поклоны, Феофил задом протиснулся в дверь, черной птицей в ночи растворился.

А с Владыкой большая перемена случилась, только выпорхнул чернец из гнезда митрополичьего. Вскочил Зосима, как будто сна и не бывало, снова за письмо Геннадия взялся, которое дочитать до конца при Феофиле не соизволил.

«Зачем ты, отец наш, – писал Геннадий, – Владыку Коломенского решил ставить сейчас, как будто других дел важных у тебя нет, как будто зараза еретическая земле нашей угрозу не несет? Что ж ты, господин отец наш, еретиков тех накрепко не обыщешь, да не велишь их казнить да проклятию предать? Затянулось дело это: три года минуло, и четвертый пошел. Уж, каковы мы будем владыки и каково наше пасторство, если зло не искореним? Прошу, господин мой, скажи сыну своему, Великому князю, чтобы мне велел быть у себя, да и у тебя, у отца нашего, благословиться. Какие бы великие дела умы ваши не занимали, если то, о чем прошу, решите, то и другим важным делам укрепление будет.

Пусть милость Бога – Вседержителя в триипостасном Божестве отца и сына, и святого духа, да снизойдет на святительство твое, господин отец наш. А я, сын твой, архиепископ Великого Новгорода и Пскова, тебе, своему господину отцу, челом бью».

Свеча на митрополичьем столе издала прощальный вздох, и ... последнее окошко погасло в московском Кремле. Ночь вступила в полные права, только сна у Владыки Зосимы как не бывало...

Под утро, когда Владыка, наконец, заснул, гонец архиепископа, обласканный митрополичьей дворовой челядью, особенно женской ее половиной, с Божьей помощью собрался отъехать в Великий Новгород. Путь предстоял неблизкий – самое малое пять дней. Потому гонец долго колдовал с подпругой, заодно давая возможность кухонным девкам рассовать по торбам гостинцы для Владыки Геннадия.

В Кремле вставали рано, и отъезд гонца не остался незамеченным...

Хлопотно было и в великокняжеском дворце. Забегались няньки и мамки. Потомство государя укреплялось едва ли не ежегодно и теперь насчитывало восемь персон – каждый мал мала меньше: старшей, Елене, – тринадцатый пошёл, младшенькому, Симеону, – чуть больше года было.

Встал и государь. Сидя у окна, подперев подбородок рукой, Иоанн Васильевич наблюдал за голубками, слетавшими на крохи, оставшиеся от великокняжеской вечери. Это было то редкое время, когда, отрешившись от всех забот, он мог оставаться самим собой. Правда, чело его было омрачено, но не государевыми делами, а нестерпимой болью в коленях. В противовес вчерашнему, наступающий день грозился стать ясным и морозным. – «Не потому ли болят кости мои? Видать, на перемену погоды. Стар, стар, становлюсь, – думал Иоанн Васильевич. – Справится ли с тяжким бременем наследник Иван?».

Стал замечать Великий князь, что Иван Иванович Молодой, так звали бояре сына его от княгини тверской, чтобы отличать от властителя своего, прихрамывает на одну ногу. Красавец чернобровый – весь в мать – герой многих боевых сражений и дипломатических задумок: и статен, и силен, но что-то в нем как будто надломилось. Будто сглазил кто, или зелья какого подлил...

Два воркующих голубка благодушно клевали зерно, аккуратно разбросанное чей-то хозяйственной рукой у крылечка дворцового – знали дворовые люди привычки государевы. Дворец этот был временным – его наскоро соорудили итальянские мастера позади Благовещенского собора.

Кроме потомства от Софьи, рядом с государем жили Иван Молодой, жена его Елена и внук – Дмитрий. Тесновато было... Да боялась Софья пожаров, потому настояла царевна старый деревянный дворец разрушить. На его месте Марко Руффо и Пьетро Соллари каменные палаты возводили.

«Скоро, скоро, заселимся», – успокаивала жена. Но ничего нет более постоянного, чем временная затея – это хорошо знал Иоанн Васильевич. Всех хотели удивить мастера: стройка поднялась немалая, длилась второй год, и конца края не видно было.

«Как там голубиное царство?» Великий князь снова взглянул в окно.

Картина во дворе переменилась... Закончилось голубиное благодушие, занервничали голубки: наохлился сизый, налетел на голубку, хотел крупное зерно отнять. Вдруг могучие крылья закрыли окно черной пеленой, спустился на крыльцо черный ворон. Не ворон, а вороныще, величиной невиданной: чуть поменьше орла, но намного больше ястреба. Растаял след голубков в синем небе – досталось чернокрылому мздоимцу недоклеванное наследство. «К чему бы это? Никак, дурной знак? – подумал Иоанн Васильевич. – Расспрошу вечером Курицына. Он мастер загадки разгадывать».

– Бобр, – позвал государь постельничего. – Продолжи список, о котором давеча говорили. Вечером после Патрикеева покличешь митрополита, потом Курицына, последним – лекаря.

– Что, нездоровится, Иоанн Васильевич? – побеспокоился постельничий.

– Ломота в коленях, – ответил государь хмуро.

– Может, баньку истопить? – предложил Бобр, лицо его выражало крайнюю озабоченность. – Горячий воздух ломоту вмиг снимает, Иоанн Васильевич, – добавил он несмело.

– Можно и баньку, – Иоанн Васильевич улыбнулся. Предусмотрительность постельничего понравилась ему. – Сейчас и вели растопить. Не забудь пару больше напустить.

– Знамо дело, Иоанн Васильевич! – Бобр вмиг кинулся исполнять указания, он и сам повеселел, оттого что угадал с банькой. – Тогда лекаря не вызывать? – переспросил уже из-за двери.

– Ко мне не вызывай, а к Ивану Молодому покличь. Ему нужнее. И скажи Ивану, пусть в баню со мной идёт. Тогда и лекарь может не сгодиться. Рано ему по лекарям ходить. Сейчас лекари такие, что и заморить могут. – Иоанн Васильевич вспомнил, как Антон Немчин заморил сына татарского царевича Данияра, жившего при его дворе, и перекрестился. Лекаря он отдал на суд татар, а суд у них – известно какой!

Последние слова исполнительный Бобр уже не слышал – стрелой летел он к истопникам: здоровье Великого князя – превыше всего, а Иоанн Васильевич уже шел на утреннюю по длинному коридору, соединявшему дворец с Благовещенским собором.

Вечером государь ждал Курицына. Дьяк все больше нравился ему. Рассудителен, образован и, что самое главное, предусмотрителен. Всё чаще государь советовался с ним, и не только по иностранным делам. Поручения давал важные и большей частью секретные. Всё исполнял дьяк – любое дело спорилось в его руках. Но больше всего в Курицыне ценил Иоанн Васильевич дар предвидения. Знал тот астрономию, астрологию и другие науки. Ему он больше доверял, чем попам Алексею и Дионисию, приглашенным из Новгорода Великого. Первого государь поставил в Успенском соборе, второго – в Архангельском. Близки они стали Иоанну Васильевичу. Утешали слух государя тем, что не будет конца царствию земному, о том больше всего кручинился Иоанн Васильевич в бессонные ночи. Говорили ему, что не коснется главы людской кара небесная за грехи их и дела несправедливые, судьбу людскую по библейским книгам определяли. Не за горами был этот год, в Ветхом Завете предсказанный – 7000-й от сотворения мира. Два года жизни земной отмерить оставалось. А дальше что? Небесная жизнь? Так на грешной земле лучше. Вот и митрополит Зосима сомнение высказывает. Говорит, конец света никто точно предсказать не может, потому готовит пасхалии на восьмую тысячу лет. Это обнадеживает.

С митрополитом проговорили недолго. Покладист Зосима. Не то, что Геронтий. Дела церковные знает, но и мирские не забывает. Вот только к рюмочке любит приложиться. Знает это Иоанн Васильевич, но прощает отцу своему духовному. Невелик сей грех. Бог судия в таких делах. Зосима сам в ответе перед Богом за прегрешения свои.

– Фёдор Курицын, – доложил постельничий.

Дьяк вошел в великокняжескую светлицу и низко поклонился. Государь сидел в высоком кресле на небольшом возвышении, возле которого было три ступеньки. От двери к креслу вела узкая ковровая дорожка, окаймлённая золотой бахромой.

– Заходи, Федор. – Иоанн Васильевич встал, что редко с ним бывало. Жена Софья постоянно требовала соблюдения византийских церемоний, которые наблюдала при дворе отца своего, морейского деспота Фомы. Стесняясь своего высокого роста, государь немного сутулился, отчего одним из прозвищ его было Горбатый. Но сейчас держался прямо – видимо, утренняя банька пошла на пользу.

– Еле дождался прихода твоего, – Великий князь положил Курицыну руку на плечо и подвел к небольшому стеклянному столику, который царица Софья выписала из Венеции. – Садись. Хотел, было, раньше с тобой поговорить, но не вышло: послы да бояре весь день с вопросами надоедали.

И поведал государь дьяку историю о приключении с голубями и вороном.

Курицын призадумался. Оказывается, всесильный, всемогущий самодержец, держащий в страхе своих поданных, отнимающий земли у князей и бояр, монастырей и соседних государей, как простой мужик верит в приметы. Всего ожидал дьяк, только не этого. Даже то, что государь держался с ним запросто, на равных, не так удивило его.

– Как думаешь, к чему бы это? – Похоже, государь совсем не стеснялся своего вопроса. – Знаю, есть книга гаданий «Ворон».

– Прости, государь, нет у меня доверия к этой книге, – уверенно ответил Курицын. – Да ответ я и так знаю. Хотя, если хочешь, можно проверить по книге Рафли, или, как она называется, «Аристотелевы врата».

– Раз знаешь, давай ответ, а потом проверим, – глаза Иоанна Васильевича загорелись огнём.

– Я думаю, черный ворон, это монастырская братия, которая забирает у тебя лучшие земли. Видать, затеяли еще один жирный кусок отхватить.

«Умен, умен, не ошибся в нем», – государь пристально посмотрел в глаза дьяка.

– А ведь не все монахи такие. Вон Гурий из Кирилло-Белозерского монастыря велел вернуть мне земли, дарованные монастырю еще батюшкой моим. И старец Нил, хоть и удалился в пустынь на реку Сорку, слышал я, поддержал его.

Иоанн Васильевич решил сыграть роль справедливого государя и посмотреть, что скажет на это дьяк.

– Все так, государь. Только когда это было? Почитай, три года прошло. Венедикт сменил Гурия. И в три раза больше землицы набрал. На Соловецкое море замахнулся. Там и рыбу ловит, шведам и ливонцам продает.

Слова Курицына не были в новинку государю. Знал он все о делах монастыря. После смерти князя Михаила Андреевича стал он патроном монахов-белозерцев и вполне мог поубавить их земельный аппетит. Но сомнения одолевали его. С одной стороны, монастырская торговля была выгодна, давала прибыль в казну. С другой – примеру этому следовали другие монастыри. Каждый стремился захватить кусок получше. Особенно касалось это пахотных земель.

– Давай проверим, – решился Иоанн Васильевич испытать судьбу.

Курицын взял чистый лист бумаги и разделил его на восемь равных частей.

– В каждой осьмушке я сделаю запись об угрозе государству нашему, – объяснил он Иоанну Васильевичу. – Потом возьму в руки зернышко и брошу на лист. Куда оно упадет, с той угрозой в первую очередь бороться надо господину моему Великому князю. Угрозы я разделю поровну, – продолжил Курицын. – Четыре из них будут происходить извне, следующие четыре будут иметь внутреннее свойство.

В первой осьмушке Курицын написал: «Ливонцы нападут на русских купцов в Ревеле». Во второй: «Шведские рыцари подступятся к Новгороду Великому». В третьей: «Литовцы объявят войну и двинут войска на Москву». В четвертой: «Татары Менгли Гирея нарушат мир с Москвой и войдут в наши пределы». В пятой: «Церковники наши захотят отделиться от Константинопольской церкви». В шестой: «Монастыри присвоят себе новые земли Московского княжества». В седьмой: «Бояре устроят смуту супротив господина своего Великого князя». В восьмой: «Тяжелый недуг отнимет здоровье наследника престола».

Иоанн Васильевич внимательно смотрел, как округлые буквы ровно ложатся на бумагу из-под твердой руки дьяка.

– Ну, насчет шведов ты, Федор, приврал малость, – не выдержал он.

– Почему, – возразил дьяк. – А как быть с секретной бумагой от короля шведского магистру ливонскому, о которой узнал наш человек в Ревеле?

– Но там говорилось о Пскове, – настаивал на своем Иоанн Васильевич.

– Говорилось о Пскове, а Новгород к шведам ближе, – не уступал Курицын.

– Ну ладно, насчет Менгли Гирея объясни. Я считаю, верен он мне.

– Я господин мой, Иоанн Васильевич девять месяцев в плену у турок был. Если султан турецкий захочет нам навредить, Менгли Гирей первым его волю выполнит.

– Далече зришь, Федор, – подивился Великий князь. – Турецкую угрозу я не учел. Посмотрим дальше. Ну, насчет бояр, я и сам знаю. Держи ухо востро. Чуть слабину дашь, так и заколобродят. Сын болен, это правда. В бане его ноги рассмотрел – все в синих пятнах. Лечить дурака надо. Запустил болячки, родному отцу сказать постыдился. С литовцами – твоя правда. Что-то затевают они.

Иоанн Васильевич взялся за голову. Взгляд его беспокойно блуждал по сторонам света: от Северного до Черного моря, от литовских болот до приволжских степей.

– Разреши, государь, за зернышком сбегаю. Чай, не все ворон склевал.

Голос Курицына вернул Иоанна Васильевича в светлицу. Государь смотрел на дьяка и не понимал: шутит тот или говорит серьезно.

– Ну, беги.

Дьяк вмиг обернулся. Разжал руку: посреди ладони – ржаное зёрнышко. В глазах государя загорелись искорки.

– Дай я сам.

Он взял зерно, поднял узкую холёную руку над столом и медленно разжал кулак. Зерно покатилося по листу и остановилось.

«Монастыри присвоят себе новые земли...», – прочитал Иоанн Васильевич и изумлённо посмотрел на Курицына. Он долго молчал, наконец, промолвил.

– Помогает твое гадание в голове порядок навести. Будешь приходить три раза в неделю. Вечера ныне длинные – вместе их будем коротать. Но сначала по монастырям поедешь. Первой посетишь Кирилло-Белозерскую обитель.

Уходил новый любимец Иоанна Васильевича в добром расположении духа. На руку дьяку было поручение государя. Давно хотел Курицын съездить к монахам кирилловским: себя в вере испытать и со старыми знакомцами увидеться. Обитель жила по уставу монастырей афонских, а, значит, строго придерживалась правил Вселенских соборов и положений, установленных ещё зачинателем монашества Афанасием Египетским. Знакомцы, отец Гурий, и отец Ефросин, могли и в государственном, и личном деле подсобить. У Гурия, в миру Григория Тушина, соседа по отцовской вотчине, дела земельные лучше выяснять, чем у нового игумена отца Венедикта. С Ефросином Курицыну итак встретиться не терпелось – хотелось обсудить повесть о Дракуле. Вкусом старого переписчика Федор Васильевич дорожил больше, чем мнением иного князя или боярина. Потому и доверил сначала «Лаодикийское послание» переписать, теперь – повесть о Дракуле. Да и другие книжники интерес вызывали, славился монастырь летописными сводами и библейскими книгами.

– Так ты, Ефстафий, полагаешь, что рай земной находится не на небе, а на острове в море-океане, как писано в книге Космы Индикоплова? – говоривший эту фразу обладал солидным басом, видать, что в монастырском хоре место находил.

– Именно, так, на острове, – вторил ему другой голос, тонкий и высокий. – И расположен он в том месте, где небо с землёй прикасается.

Голоса принадлежали двум молодым монахам-переписчикам Кирилло-Белозерского монастыря. Оба проходили первую проверку на пригодность к переписыванию книг, оба хотели удивить друг друга знаниями. Стал Федор Курицын, корпевший над монастырскими отчетами, невольным слушателем их тихого спора. Вот уже неделю он разбирался в земельных наделах обители, а все больше бумаг и договоров оставалось еще перечесть. Читальня находилась в избе-библиотеке, являвшей собой приземистое здание, выложенное из камня, – единственное на всю округу. Здесь находилось главное монастырское сокровище – старинные книги, кото-

рые начал собирать еще отец-основатель Кирилл. Белозерские монахи боялись пожаров, часто охватывающих соседние монастыри, все постройки которых выполнялись из дерева.

В большой зале, сразу за сенями, сидели писцы, летописцы и переписчики книг. Писцы подчинялись эконому и занимались повседневной деятельностью обители: составляли хозяйственные договоры, купчие на вновь приобретенные угодья, документы по судебным разбирательствам, коих было немало, – на землю монастырскую многие глаза открывали. Помимо экономических знаний от них требовалось хорошо знать судебник – свод законов Московского княжества. Судебные писцы сидели сразу возле дверей за небольшими столами. Это было удобно – заказчики сразу из сеней попадали в объятия умудренных житейскими делами иноков.

Дальше за длинными столами располагались летописцы – они составляли летописные своды Кирилло-Белозерского монастыря и всего княжества Московского. Летописцы были в меру начитаны и образованы, знали летописи, составлявшиеся в других монастырях, хорошо разбирались в сложных династических и политических отношениях, как внутрироссийских, так и международных. Летописцы формально подчинялись игумену, но фактически находились под опекой государева дьяка Василия Мамырева. С недавних пор Великий князь решил положить конец независимому летописанию и поставить его в зависимость от государства. Поскольку монастырь находился далеко от Москвы, Мамырев редко проводывал эти места – потому кое-какая самостоятельность монахов иногда допускалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.